

Елена Малиновская

Тени

Елена Малиновская

Тени

«Автор»

2011

Малиновская Е. М.

Тени / Е. М. Малиновская — «Автор», 2011

ISBN 978-5-9922-0944-0

Свет и тьма всегда ходят под руку. Обычно полярные, они иногда сливаются, порождая вихрь событий и эхом перемен прокатываясь по миру. Именно такое эхо готова породить Шаная – дочь короля и хозяйка Теней. Но чего же в ней больше: тьмы или света? И сумеет ли она совладать с доставшейся ей силой? На эти вопросы ответит лишь время.

ISBN 978-5-9922-0944-0

© Малиновская Е. М., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Часть вторая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Малиновская

Тени

Пролог

Было больно дышать. Воздух, вязкий от запаха крови и смерти, отказывался заполнять легкие. Веяло приближающейся чумой, голодом и близкими пожарами. Война прокатилась по стране разрушительной волной, слизнула с лица земли деревни, поселки, города, оставив после себя дымящиеся руины, в которых ютились в основном женщины и маленькие дети, пощаженные захватчиками. Но скоро зима. В этих краях она всегда сурова. Поля выжжены, вытоптаны чужаками, от домов в лучшем случае остались одни стены. Нет еды, нет крова, значит, вновь здесь пройдет богиня Смерть в развевающихся одеждах цвета алой свежей крови.

Старый король плакал. Плакал, не стесняясь придворных, точнее – вообще не замечая их присутствия. Наверное, он дал волю чувствам впервые за всю историю своего владычества. Даже когда его жена умирала в роскошных покоях от родильной горячки – он не проронил ни слезинки на людях. Лишь ночью, запершись в своей спальне, король выл от горя и отчаяния, терзая зубами уголок подушки, понимая, что за толстой каменной стеной в соседней комнате его любимая, его маленькая Шаная с огромными синими глазами, белоснежной, словно из драгоценнейшего фарфора кожей и темными волосами сейчас мечется в жарких объятиях бреда и боли, с каждым мигом уходя от него все дальше и дальше. И все, что от нее останется, – лишь портрет, на котором она не похожа на саму себя, и крохотный младенец, упорно отказывающийся от груди кормилицы. «Ребенок не жилец, – тихо шептали во дворце. – Уйдет вслед за матерью, а возможно, и опередит ее на пороге смерти».

Вопреки ожиданиям, девочка выжила. И вопреки чаяниям многочисленных фавориток, король оставил ее при дворе, не отослав прочь как постоянное напоминание о гибели любимой жены. Уж очень она была похожа на мать. Те же глаза цвета вечернего неба, те же волосы, настолько черные, что отдавали в синеву, тот же залиvistый громкий смех.

Спустя всего месяц, когда минул положенный для траура срок, король женился вновь, решив, что негоже оставлять страну без наследника. Его выбор и странная поспешность многих озадачили. Новая супруга оказалась полной противоположностью погибшей. Никто не мог и предположить, что королевой станет низкорослая, ширококостная и откровенно некрасивая Ханна, единственным достоинством которой была принадлежность к знатному и древнему роду, известному своей преданностью государю.

«Хватит с меня красавиц, – однажды сказал король своему верному советнику. – Они как розы – радуют глаза, ранят сердце своими шипами, но умирают от малейшей оплошности садовника. Мне нужен сын, и Ханна сумеет его выносить и родить».

Так и случилось. Спустя год после свадьбы королева подарила мужу крепкого краснощекого младенца – принца Ольда. Еще через год – принцессу Данирию. И продолжала исправно рожать здоровых детей, пока король окончательно не перестал заглядывать в ее спальню.

«Она разорит меня, – жаловался король тому же советнику. – Всех сокровищ нашего государства не хватит, чтобы обеспечить дочерей приданым. Где мне найти столько провинций для сыновей? Боюсь, после моей смерти они раздерут страну на маленькие кусочки, пытаясь урвать как можно больше власти. Стыдно сказать, но я постоянно путаюсь в количестве детей и не помню всех имен. Достаточно. Если она не желает принимать травы, то пусть отныне не ждет меня в своих покоях».

Король не любил своих многочисленных отпрысков. Их было слишком много, кормилицы и воспитатели не справлялись с шумной оравой, а супруга постоянно потакала их невин-

ным, как она считала, детским шалостям. Его терпение иссякло, когда однажды он обнаружил в дворцовом саду жестоко убитую кошку. Неведомые изверги выкололи ей глаза, отрезали лапы, затем долго пинали, играя в какую-то непонятную игру, пока несчастное животное не испустило дух. Король наткнулся на истерзанный трупик во время вечерней прогулки и пришел в такое бешенство, что испугался даже старый верный советник.

«Ваше величество, – уговаривал он, пока король самолично рыл могилу одолженной у садовника лопатой, – успокойтесь, пожалуйста. Это дети. Они еще не понимают, что плохо, а что хорошо».

«Они все прекрасно понимают, – с горечью ответил король, бережно укладывая трупик на подстилку из свежей травы. – И мне страшно, Олаф. Сегодня они издеваются над животными, упиваясь своей безнаказанностью и всемогуществом. А что будет завтра? Дойдет очередь до бедняков и нищих, за которых некому вступить?»

Этим же вечером принц Ольд, давно известный своими садистскими замашками, отправился в закрытую военную академию, более напоминающую обыкновенную казарму, где детей воспитывали без малейшего пиетета к древности рода или деньгам родителей. Королева Ханна, узнав о решении супруга, явилась в его покои лично. Неизвестно, о чем они беседовали, но на следующее утро король отослал от двора свою любимицу – девочку, названную по имени умершей матери Шанаей. В ту пору ей как раз исполнилось двенадцать.

«Теперь я боюсь за ее жизнь, – с горечью признался король советнику. – Ханна – глупая и мстительная женщина. И потом Шанае надо учиться. Она сообразительная девочка, более того – обручена с принцем Ноэлем и обязана к замужеству выучить язык чужой страны. В монастыре Пресветлой богини ей помогут в этом».

Восемь лет прошло с той поры. Если бы король Харий Первый мог предположить, к чему приведет его решение! Если бы только сумел повернуть время вспять! Тогда не случилось бы этой войны, и он бы сейчас не стоял с непокрытой головой на вершине холма, наблюдая, как к нему медленно продвигается процессия чужаков под белыми знаменами временного перемирия.

Слезы текли по морщинистым щекам короля. Слезы безысходности и слепого отчаяния. Он проиграл. Проиграл впервые в жизни, и уже ничего нельзя изменить.

Наконец процессия поднялась на холм переговоров. Впереди ее шел тот, кого Харий ненавидел всем сердцем. Тот, который переиграл его на полях сражений, поставил на колени целую страну, а сейчас собирался отнять самое дорогое, что еще осталось у него.

– Ваше величество.

Король опустил голову, безуспешно пытаясь скрыть ненависть, сверкнувшую в глазах. От хриплого простуженного голоса чужака накатило бешенство. Какая жалость, что нельзя вцепиться ему зубами в горло, словно дикий зверь!

– Ваше величество! – кашлянув, продолжил чужак, и злая насмешка мелькнула в его темно-карих, почти черных глазах. – Вы выслушали вчера условия, на которых я готов заключить мир и прекратить войну. Вы согласны?

Тишина. Высоко над головой быются черно-белые стяги. Но один лишь слабый кивок короля – и они покорно склонились к ногам чужаков, знаменуя окончательное поражение.

– Хорошо. – Захватчик удовлетворенно усмехнулся. Затем перевел холодный взгляд за спину короля и улыбнулся еще шире. – Вы принимаете все мои условия?

Долгая мучительная пауза. Невозможно кивнуть, соглашаясь на это. Нет, нет и нет! И внезапная шальная мысль вдруг заставила короля сжать кулаки. А что, если напасть на чужаков сейчас, когда они меньше всего этого ждут? Плевать на священные знамена переговоров, плевать на то, что все равно их перебьют. Главное – успеть до смерти добраться до ненавистного противника и проткнуть ему сердце.

– Да, мы принимаем все ваши условия, – раздался звонкий девичий голос как раз в тот миг, когда король был готов отдать приказ личной охране обнажить оружие, и Шаная, его маленькая Шаная добровольно выступила из-за спины отца.

– Моя госпожа. – Захватчик на удивление почтительно склонил голову, приветствуя девушку. Протянул ей руку, предлагая следовать за ним. Затем, небрежно, королю: – Я рад, что вы не стали делать глупостей. Иначе все могло бы закончиться весьма плачевно. Для вас.

Король смотрел, как его дочь уходит с захватчиками, и плакал. Суждено ли им встретиться вновь? Вряд ли.

Часть первая

Помолвка

За девять лет до событий, описываемых в прологе

Шаная никогда не отличалась примерным поведением. Нет, она не доставляла особых проблем воспитателям, но те зачастую и представить не могли, какие именно мысли блуждали в голове у маленькой принцессы. Стоит хотя бы вспомнить переполох, который она однажды устроила, сбежав из дворца.

В тот день, дождавшись, когда пожилая Нинель задремлет в кресле после сытного обеда, Шаная неслышно выскользнула из своей комнаты. Вихрем пролетела по пустынным коридорам в закуток около кухни, там натерла себе щеки и лоб густой сажей, повязала на голову грязную тряпку, скрывая роскошные длинные волосы, накинула поверх шелкового платья старую ветошь и скрылась в густых зарослях близкого хвойного леса, без проблем обманув простеньким маскарадом охрану у ворот дворца. В каком-то смысле ей повезло. На кухне в тот момент было слишком многолюдно – повара и прислуга сбивались с ног, готовясь к большому званому обеду, поэтому не обратили внимания на шустроногую девчонку, наверняка сочтя ее за дочь какой-нибудь фрейлины. Охрана у ворот даже подумать не могла, что принцесса способна на такую шалость. Напротив, стражники сочли ее за нищенку и строго прикрикнули, повелев убраться прочь.

Король был в бешенстве. Он пообещал повесить всех стражников, несших караул в тот день, а перепуганную Нинель, которая вся в слезах сама явилась к нему с повинной, прилюдно четвертовать. Вероятно, жестокая расплата настигла бы несчастную этим же вечером, но вмешался советник Олаф. Он упрямил короля обождать с наказанием виновных и отправил глашатаев в ближайшую деревню, чтобы объявить о предстоящей казни.

Лес до пределов наполнился голосами стражников, лаем собак, шелестом поисковых заклинаний. Но Шаная словно сквозь землю провалилась. Нинель рыдала в карцере, готовясь к скорой жестокой смерти; стражники, несшие караул в злополучный день, ожидали своей участи в соседних камерах. Дворец обыскали не меньше десятка раз, прилегающую территорию и того больше. Охрану на северных и южных воротах многократно усилили. Званный ужин, правда, состоялся, однако представлял собой весьма печальное зрелище. Король был мрачен и глушил вино кубками. Гости испуганно перешептывались. Превосходно вышколенная прислуга, почувствовав тучи, неуклонно сгущающиеся над дворцом, постоянно ошибалась при подаче блюд. Королева лучилась от счастья, пряча злорадную усмешку за веером, чем еще сильнее гневил своего супруга. Лишь советник сохранял ледяное спокойствие. Он точно знал, что Шаная вернется. Иначе и быть не могло. Она хоть и росла проказливой девчонкой, но Нинель любила и вряд ли позволила бы погибнуть ей столь жуткой смертью. Однако он не представлял, что это произойдет именно таким образом.

Перед подачей десерта стало ясно, что скандала в этот вечер избежать не удастся. Король то и дело ронял тяжелые недовольные взгляды на супругу, которая, расслабившись и немного перебрав легкого игристого вина, всю щебетала со своими фрейлинами, периодически разражаясь веселым задорным смехом. Это поведение было столь несвойственно обычно хмурой и всем недовольной Ханне, что волей-неволей у присутствующих на ужине появились ненужные вопросы. История знает немало примеров, когда мачеха избавлялась от нелюбимых детей, оставшихся после предыдущих браков супруга. Вдруг принцесса пала невинной жертвой вероломства и коварства новой королевы?

Даже советник Олаф заволновался. Вообще-то он считал королеву достаточно глупой особой, неспособной на подобные хитрости и интриги, но мало ли. Известно, что при дворе всегда можно найти личностей, готовых за определенную сумму устранить любую проблему.

И в тот момент, когда король уже был готов взорваться от негодования и приказать гостям выметаться прочь, чтобы наедине серьезно побеседовать с женой, случилось невероятное.

Как раз вносили десерт. Слуги суежились, готовя перемену блюд. В поднявшейся около дверей молчаливой суматохе никто не обратил внимания на девочку в испачканном и немного порванном шелковом платье небесно-голубого цвета. Шаная уже отмыла лицо от сажи, но вот наряд, пострадавший от приключений, не успела переменить, первым же делом после возвращения отправившись с повинной к Харии, а не в свои покои.

– Отец!

От громкого детского восклицания король поперхнулся вином, расплескав по белоснежной скатерти едва ли не половину кубка. Встал, неловким движением опрокинув тяжелый стул, и подался вперед. Перед его столом стояла дочь. Живая и невредимая. Лишь над бровью алела свежая царапина, полученная, видимо, в колючих зарослях можжевельника около стен дворца.

Советник Олаф усмехнулся. Все произошло именно так, как он и предполагал. Услышав о предстоящей казни, принцесса мигом забыла свои шалости и поспешила предстать перед разъяренным королем. Несмотря на малый возраст, она всегда признавала свою вину и умела держать ответ за проказы.

– Отец, – повторила Шаная и внезапно с громким плачем рухнула на колени. Король побледнел от неожиданной страшной догадки. Его дочь была так мала и невинна, а за стенами дворца ее подстерегало столько опасностей, что он не хотел и думать о том, чем завершился для нее краткий побег из-под родительской опеки.

Забыв про свой гнев, не думая о придворных, глазеющих с нескрываемым любопытством, Харий бросился к дочери. Принялся гладить ее волосы, перемежая слова утешения с угрозами тем, кто осмелился ее обидеть.

– Простите, отец, простите. – Шаная горько всхлипывала, прижавшись к самому родному человеку, который обычно держал ее на расстоянии. – Это я во всем виновата. Не трогайте Нинель, умоляю. И стражников не надо обижать. Я... я больше не буду!

Король отменил казнь. Но целых полгода после этого Шаная провела в своей комнате, не смея и носа высунуть за порог.

Невероятным везением объяснил побег принцессы начальник личной охраны короля – молчаливый северянин Шарон. Только старый мудрый Олаф, верный советник короля, недоверчиво покачал головой. Слишком много случайностей всегда выглядит как закономерность. Шаная выбрала для своего побега именно тот день, когда во дворце было больше всего народа. Она заранее приготовила вещи, призванные скрыть ее внешность. И самое удивительное – одиннадцатилетняя девочка почему-то выбрала для побега южные ворота, открытые в этот день для многочисленных повозок гостей и телег с провиантом, хотя ближе всего к ее покоям находился северный выход, правда, охраняемый куда строже. Можно ли это объяснить одной удачей? Вряд ли. Скорее, речь идет о тщательно спланированной акции. Кроме того, оставался самый главный вопрос – каким именно образом принцесса миновала охрану на обратном пути? Напуганные угрозами государя, стражники не позволили бы и комару пересечь ворота. А многочисленные поисковые группы в лесу? Ведь среди них были маги, способные обнаружить и иголку в стоге сена. Как, хотелось бы знать, принцесса прошла мимо, не потревожив ни единой нити паутины чар?

Но советник оставил свои выводы при себе. Вряд ли кто-нибудь поверил бы ему, что обыкновенный ребенок способен на такую хитрость. Да и потом, зачем распространяться о необыкновенных способностях принцессы? Тем самым лишь привлечешь к ней ненужное и даже опасное внимание. Пусть все идет так, как и шло раньше.

Так решил Олаф, пообещав себе не спускать глаз с принцессы и проверить свои предположения. Случай выдался неожиданно скоро. Шаная еще была под домашним арестом, когда во дворец явилась делегация заморских гостей – посланников империи Нардок, давних заклятых соперников королевства Дахар за право обладания Северными островами, богатыми залежами алмазов и серебра, без которого, как известно, не творится ни одно атакующее заклинание. Чем больше серебра у государства – тем сильнее армия его боевых магов, что волей-неволей заставляет соседние страны считаться с чужим мнением, каким бы неприятным оно для них ни было.

На северных окраинах королевства всегда было беспокойно. Нардок быстро набирал военную мощь и все чаще обращал жадные взоры на столь близкие и желанные острова. В свою очередь Дахар не собирался так легко расставаться с землями, гарантирующими ему экономическое и политическое преимущество. Пограничные стычки уже давно стали обыденностью. Гарнизоны просили все больше и больше помощи магами и воинами. Перемирие, заключенное около десяти лет назад между Харием и тогдашним императором Нардока Мириотом Третьим, трещало по швам, рискуя в любой момент развалиться. Но, как говорится, худой мир лучше доброй ссоры. Советники на все голоса твердили королю, что война будет иметь катастрофические последствия для страны. Острова слишком далеко, чтобы иметь возможность их защитить. Захватив их, Нардок вряд ли остановится и обратит свое внимание уже на восточные провинции с развитым земледелием. Северная империя во все времена нуждалась в плодородных землях и постоянно закупала продовольствие у соседей. В свою очередь от восточных провинций уже рукой подать и до столицы – древнего и великого Валиона.

Но война пока была невыгодна и Нардоку. Он еще не оправился после многолетнего противостояния с Дарионией – крошечной горной страной, которая неожиданно долго сопротивлялась захвату. В каменном лабиринте непроходимых скал имперские маги гибли сотнями под будто бы случайными обвалами. Счет потерь среди тренированных, хорошо обученных воинов шел в свою очередь на тысячи и тысячи. Дарионийцы умело избегали открытых крупных столкновений, ведя успешную партизанскую войну против чужаков. Когда казалось, что очередной отряд загнали в западню – он бесследно растворялся среди неприступных расщелин, куда имперцы боялись следовать за противниками, памятуя о многочисленных ловушках этих мест.

Нардок был похож на огромного неповоротливого зверя, которого болезненные укусы мелких насекомых доводят до иступления. В конце концов империя, наверное, впервые за всю историю своего существования отступила и сейчас зализывала раны, с вождением поглядывая на мягкое и почти не защищенное подбрюшье своего другого соседа – Дахара.

Именно в этот момент во дворец короля явились переговорщики под предводительством старшего сына императора Мириота Третьего. Сам правитель уже фактически отошел от дел, сраженный тяжким недугом – слепой лихорадкой, которая медленно убивает разум человека. Говорили, что он уже не узнавал даже детей и жену, и передача короны наследнику была почти решенным делом ближайшего будущего.

Дворец к торжественному приему опустел. Харий сослал Ханну с шумной оравой непослушных детей в столицу. Вместе с королевой от двора удалились и ее многочисленные фрейлины, воспитатели и прислуга. Только наказанную Шаная оставили в покое. Король все еще злился на непутевую дочь и подумал, что та сочтет поездку в Валион развлечением, которого пока не заслужила. По крайней мере именно так он объяснил свое решение советнику. Однако Олаф был уверен, что истинная причина кроется совсем в другом. В действительности Харий не желал отдавать дочь под пусть краткий, но присмотр Ханны, откровенно недолюбливающей падчерицу. И, по всей видимости, у него были определенные причины для подобных опасений.

Так или иначе, но в момент прибытия делегации Шаная сидела на подоконнике своей комнаты, широко распахнув ставни и любуясь безоблачным синим небом. Внизу под ней тем-

ный хвойный лес шептался о чем-то загадочном, нестерпимой лазурью блестела чешуя глубокой и спокойной реки, в излучине которой стоял дворец.

Принцесса скучала. Ее обучение уже считалось законченным. Она выучила грамоту, счет и правила этикета, остальные науки девочкам в ее возрасте не полагались, а занятия бальными танцами начинались только в следующем году.

За время своего вынужденного заключения Шаная успела перечитать все книги, дозволенные в ее возрасте, и сейчас целыми днями была вынуждена бездельничать, изредка болтая с воспитательницей, которая, увы, при всем желании не могла ответить на ее многочисленные вопросы. Нинель искренне любила свою подопечную, но из-за возраста больше предпочитала дремать или вязать бесчисленные шали. Ее не интересовало, почему зимой холодно и идет снег, а летом жарко, почему птицы умеют летать, а люди нет, не говоря уж о других нескончаемых «почему».

С самого утра во дворце царило непривычное оживление. Слуги заполошно метались по коридорам, наводя последний лоск перед визитом долгожданных гостей. Церемонию приветствия планировали провести в просторном внутреннем дворе. Накануне там воздвигли алтари благодарения богам. Три жертвенника высились, дожидаясь, когда запыхают праздничные огни, пожирая вязанки дров и щедрые дары небесам. Самый высокий, усыпанный лепестками белоснежных роз, – для Пресветлой богини, которая в муках создала этот мир. Чуть ниже, алый от свежей крови забитого скота, – алтарь ее мужа, жестокого в своем гневе бога бурь и войны, разрушений и горя человеческого. И опутанный гирляндами черных лилий жертвенник их дочери Смерти. Последнего ответа на все вопросы, утешения и покоя, неизбежности бытия.

Приготовления слуг не могли оставить безучастной Шаная. Она с утра начала досаждать вопросами воспитательнице, но Нинель лишь отмахивалась, в свою очередь с интересом глаза сверху на суету слуг и стражников.

Ближе к полудню на шпиле дворца взметнулся государственный флаг Дахара. Черно-белый стяг громко захлопал под резкими порывами ветра, пытаясь сорваться с древка.

Шаная уже изнемогала от любопытства. Нинель заснула после обеда над своим вязанием, поэтому никто не мог отогнать девочку от окна. Она видела, как неожиданно личная охрана ее отца, которая отличалась от остальной стражи темно-зеленым цветом камзолов, выстроилась в две ровные шеренги около ворот, как с пронзительным скрипом створки разошлись в разные стороны, пропуская во двор чужаков.

Харий предполагал, что визитеров будет больше, но он ошибся. Наследный принц враждебной империи предпочел приехать в сопровождении лишь трех воинов, будто смеясь над придворным этикетом и опасностью навсегда остаться в этих землях. Что может быть проще? Один приказ короля – и сомкнутся ряды его верных людей, воздух зазвенит от мечей, покидающих ножны. Никакой, даже самый опытный фехтовальщик не справится против такого количества противников. Да, у принца есть младший брат, но пройдет не один год, прежде чем он осмелится на месть. Слишком много проблем навалится на него в одночасье, чтобы идти войной на вероломного соседа. Дахар получит необходимую передышку, чтобы превратить острова в единый неприступный бастион.

Советник Олаф встревоженно посмотрел на короля. Как бы тот не сделал глупость, клюнув на элементарную наживку. Наверняка это ловушка, и у принца в рукаве спрятан не один козырь. Иначе как объяснить вопиющую глупость и безрассудство?

– Он плюет мне в лицо, – чуть слышно прошептал Харий. – Показывает, что не боится меня, раз рискнул явиться сюда почти без охраны. Быть может, стоит наказать его?

– Ваше величество, – зашептал Олаф, – полноте. Вы покроете свое имя несмываемым позором, если пойдете на такое. Во все времена белый флаг переговоров означал, что парламентарии находятся под защитой Пресветлой богини. Не стоит гневить небеса.

Принц тем временем, словно не подозревая, что его жизнь висит на волоске, спешился и кинул поводья ближайшему слуге. Последовали примеру господина и его спутники. И уже через секунду он стоял напротив короля, вопреки заведенным правилам не преклонив колено, но ограничившись вежливым кивком, будто приветствуя ровню.

Шаная обмерла за занавеской. Она не знала, кто именно пожаловал с визитом во дворец, но внешность незнакомца ее заворожала. Высокий, худощавый, но жилистый, темноволосый и черноглазый. Одежда непривычно строгого и скромного покроя, лишь перевязь с оружием украшена неброской серебряной вязью, складывающейся в слова незнакомоего языка.

– Ваше величество. – Принц Кирион выпрямился, привычно сжав пальцы на рукояти клинка, будто готовясь к неожиданному нападению. – Благодарю вас за приглашение. Надеюсь, в стенах вашего гостеприимного жилища мы без проблем найдем общий язык.

Король нахмурился, уловив в последней фразе откровенную насмешку. Еще раз с сомнением взглянул на шеренгу своих воинов, но через миг отбросил недостойные мысли.

– Ваше высочество. – Харий поспешил спуститься с возвышения, на котором ожидал гостей, подошел к принцу и тепло обнял его, демонстрируя притворную радость от встречи. – Вы себе представить не можете, как я счастлив, что вы откликнулись на мой призыв. Окажите мне честь, принесите вместе со мной жертву богам, чтобы они благословили наше начинание.

– С величайшим удовольствием, – ответил тот, снимая черные перчатки для верховой езды.

Их разговор гулким эхом разносился по каменному колодцу двора, поэтому Шаная не пропустила ни слова. Она подалась вперед, жадно наблюдая за каждым движением незнакомца. Его глубокий бархатный голос с певучим мелодичным акцентом завораживал. Хотелось слушать его вечно.

Принц внезапно ощутил укол беспокойства. Незаметно огляделся, пытаясь избавиться от ощущения, будто за ним наблюдают, но не заметил ничего подозрительного. Его рука дернулась к шее, на которой висел крупный синий кристалл в серебряной оправе.

– Ваше высочество, что-то не так? – негромко спросил его спутник – голубоглазый блондин, по виду истинный северянин.

– Наверное, показалось, – так же тихо ответил принц, задумчиво вертя между пальцев кулон. – Фарий, ты ничего не почувствовал?

– Простите, господин. – Северянин отрицательно покачал головой. – Все спокойно. Я не ощущаю никакой магической угрозы.

Их чуть слышный обмен репликами не остался без внимания. Король приподнял бровь, удивленный таким нарушением этикета, и принц цыкнул, поспешно обрывая своего спутника.

– Будь готов ко всему, – напоследок прошептал Кирион ему и с любезной улыбкой обернулся к Харию. – Великодушно прошу извинить меня, ваше величество. Теперь я полностью в вашей власти.

Харий недовольно скрипнул зубами, вновь уловив откровенный сарказм в словах чужака, но промолчал, лишь косо посмотрел на верного советника. Мол, что ты теперь скажешь, Олаф? Быть может, стоит прочить наглеца?

Но советник не заметил очередных сомнений своего правителя. Он подался вперед, с беззастенчивой жадностью впившись глазами в кулон принца. Он часто видел такие камни. Теперь Олафу стала понятна безрассудная отвага принца, граничащая с оскорблением.

Личная охрана короля, держа строй, согласно шагнула назад, беря жертвенники в тесное полукольцо. Несколько слуг взяли под уздцы лошадей чужаков, уводя их прочь. Спутники принца отошли к стене, освобождая пространство перед алтарями. Теперь в центре каменного колодца стояло лишь два человека – король Харий и принц Кирион.

– Как почетному и долгожданному гостю я предоставляю право выбора первой жертвы принцу Кириону! – пронесли над дворцом торжественные слова короля. Высоко над голо-

вой стяги забили в объятиях ветра с удвоенной силой, будто пытаюсь оторваться и улететь прочь. – Которого из богов мы уважим в первую очередь? Пресветлую богиню Террию или ее яростного мужа – Игниуса?

Шаная затаила дыхание. Она уже присутствовала однажды при подобном ритуале, когда к отцу явился просить о мире самопровозглашенный правитель одной из мятежных провинций. Тогда отец сам сделал выбор, который сейчас предложил незнакомцу. И принес первую жертву на алтарь Игниусу, показав тем самым, что война продолжится до последнего, пока все мятежники не окажутся мертвы.

Что выберет принц? Вязкая зыбкая тишина окутала дворец. Замерли воины, словно не дыша вовсе. Замер король, ожидая решения. Даже ветер на время стих, и повисли безжизненными полотнищами флаги над головами собравшихся. Склонился в глубоком поклоне перед принцем слуга, держа на вытянутых руках поднос с ритуальными дарами. Для Террии – каравый свежего мягкого хлеба. Для Игниуса – кубок молодого вина, которое будоражит кровь и зовет в сражения. Для Смерти – острый нож, и бьется уже на привязи около алтаря молодой ягненок, предчувствуя гибель. Впрочем, эта жертва – скорее формальность. Смерти дары приносят лишь на похоронах, задабривая богиню и прося ее даровать милость усопшему в своих великолепных чертогах забвения.

Кирион не торопился принять решение. Он словно получал удовольствие от всеобщего внимания под перекрестием множества выжидающих взглядов. Руки несчастного слуги, стоявшего в неудобной позе, мелко тряслись от тяжести подноса.

– Что же выбрать? – будто рассуждая сам с собой, но так, чтобы слышал и король, протянул принц.

Харий нервно хрустнул пальцами. Чужак определенно издевался над ним. Чего он добивается, хотелось бы знать?

– Выбрать войну? – Кирион почти ласково провел подушечкой большого пальца по резной поверхности кубка. – Или мир? – И его рука переметнулась к хлебу.

Коленопреклоненный слуга закусил губу, сдерживая мучительный стон. Он почти не ощущал затекших онемевших рук, в плечах пульсировала острая стреляющая боль. Несчастный готов был кричать в голос – ну выбери уже хоть что-нибудь! – лишь бы прекратить эту пытку.

– Вам решать, – настороженно протянул Харий.

– Мне решать, – задумчиво повторил Кирион. – Забавная традиция оповещать об итоге переговоров до их начала. В данном случае все будет зависеть от наших совместных усилий. Поверьте, Нардок не хочет войны, но и не готов на мир, если условия нас не удовлетворят. Дилемма, однако. Поэтому... Почему бы не принести дары той богине, которая не имеет отношения к подобным земным делам?

По двору пронесся легкий гул недоумения и несогласия. Принести дары Смерти? Но это же немыслимо! Эта богиня никогда не вмешивается в людские судьбы. Она не начинает и не заканчивает войны, не ведает урожаями и непогодой. Лишь изредка собирает дань. Щедрую или не очень – зависит от ее родителей. Как можно просить Смерть о благословении? Ведь страшно даже представить, что она может услышать зов и... И откликнуться на него.

– Ваше высочество! – Король не позволил и тени эмоций отразиться на своем лице. – Подумайте хорошо. Вы несколько заблуждаетесь. Первая жертва не означает конечного итога переговоров. Она лишь показывает, к чему будет стремиться тот, кто делает выбор, – к войне или к миру. Но принести дары Смерти?! Вдруг это навлечет проклятие небес на наши две страны? Вдруг разразится такой мор, перед которым поблекнут предыдущие напасти?

Харий сделал паузу, пытаясь отдышаться после прочувственной тирады. Потом продолжил уже тише:

– Нет, я ни в коем случае не пытаюсь вас отговорить или, небо упаси, заставить отказаться от выбора. Но... Ваше высочество, во имя всех богов, будьте благоразумны! Внимание такой силы лучше не привлекать.

– Я понимаю ваши опасения, – после минутной паузы ответил принц. – Но, увы, не разделяю их. Мой дар Смерти – это подношение судьбе, и не надо искать в этом потаенных смыслов, которых просто нет. Еще ничего не определено. Мы в самом начале пути, даже не сделали первый шаг. Так что уважьте мой выбор. Или принесите жертву сами.

Харий молчал. Шаная видела, каких трудов отцу стоило сохранять видимость спокойствия. Чужаки разрешали себе слишком многое. Принц явился во дворец заклятого соперника почти без охраны и позволяет себе такие выходки. Уж не безумец ли он?

– Делайте что знаете, – наконец с тяжким вздохом произнес король. – Но помните, ответственность ляжет полностью на вас.

– Мне не привыкать к подобному бремени. – Кирион улыбнулся, но его черные глаза остались холодными и пустыми.

Принц шагнул к протянутому для него подносу. Небрежно кинул на каменные плиты перчатки и без малейшего сомнения взял нож в левую руку, зачем-то забрав еще и каравай хлеба с вином. Несчастный слуга с чуть слышным вздохом облегчения перехватил тяжелый серебряный поднос под мышку и отошел в сторону.

Шаная замерла, с недоумением наблюдая за действиями незнакомца. Что он делает? Смерти во все времена приносили кровавую жертву. Зачем принц забрал еще и дары другим богам?

Харий быстро переглянулся с советником, тоже не понимая задумки Кириона. Олаф пожал плечами, и король вновь все свое внимание обратил на принца. Да, стоило признать, церемония приветствия пошла совсем не так, как задумывалась. Но теперь уже поздно что-либо менять.

Кирион подошел к ягненку, на которого было наложено заклятие молчания. Бедное животное широко раскрывало рот, но не могло издать и звука, чтобы не мешать торжественной обстановке ритуала. Принц присел рядом с ним, положил хлеб перед его мордой, кубок с вином отставил чуть в сторону, чтобы не мешался. Теплый сытный запах заставил ягненка затихнуть, вытянуть шею, пытаться добраться до лакомства.

Шаная круглыми от ужаса глазами наблюдала за этой сценой. Она знала, в чем заключался смысл подношения Смерти, но неужели принц способен на подобное? Неужели он убьет ягненка, без малейшей жалости прирежет его на глазах присутствующих?

– Ешь, – чуть слышно шепнул принц, ласково потрепав ягненка по шелковистой белой шерсти. – Не бойся.

Ягненок вытянул шею еще сильнее. И в тот же миг воздух располосовал безжалостный проблеск безупречно заточенной стали. Мельчайший веер кровавых брызг усеял лицо принца, запачкал изысканную вышивку его камзола.

Шаная зажала рот, удерживая себя от крика. Отступила на шаг от окна, не в силах отвести взгляда от столь отвратительного, но в то же время и притягательного зрелища.

– Ваше здоровье! – Принц, встав, отсалютовал королю поднятым кубком с вином, предназначенным прежде богу Игниусу. Осушил его одним глотком и вновь склонился над ягненком, чьи ноги мелко подрагивали на каменных плитах в посмертных судорогах. Наполнил кубок заново, но теперь в нем плескалась свежая, еще дымящаяся кровь. И через миг алтарь Смерти получил новое щедрое подношение.

– Огонь, – сухо приказал Кирион. Ближайший слуга выступил вперед, протянув уже зажженный факел. Бездымное, почти бесцветное в лучах солнца пламя недовольно затрещало, когда принц принял древко и кинул его на алтарь. Неполную минуту после этого ничего не происходило, и король успел облегченно перевести дыхание, решив, что богиня отклонила дар

чужака. Но еще через миг яркий оранжевый огонь с безудержным ревом взметнулся к небесам, рассыпаясь вихрем алых искр.

Принц стоял так близко от алтаря, что наверняка чувствовал жаркое безумство стихии. Но не отходил, напротив, подался вперед, словно не замечая жгучих укусов огня, а возможно – получая от них удовольствие.

Шаная невольно залюбовалась. Высокая темная фигура отчетливо выделялась на фоне громадного костра. Иногда казалось, что пламя вот-вот поглотит принца, обнимет его всполохами и утащит к престолу польщенной богини. И она готова была кричать – прочь, принц, берегитесь! Но раз за разом огонь склонялся перед его ногами, отступая в последний момент.

– Он безумец, – тихо прошептал Харий, поспешно делая шаг назад, когда очередная искра едва не прожгла его камзол. – Слепая лихорадка, от которой погибает император Мириот, поразила и его разум.

Советник встревоженно шикнул, заметив, что светловолосый северянин, по всей видимости, правая рука принца, язвительно усмехнулся, наверняка услышав нелестные слова о своем господине.

Когда пламя начало утихать, принц обернулся к Харию.

– Теперь, когда формальности улажены, предлагаю приступить к переговорам, – произнес он, небрежно стряхивая с камзола хлопья черного пепла и сажу.

– Быть может, вы желаете отдохнуть после долгой дороги? – несмело предложил король. – И вы наверняка голодны. Обед и самые лучшие покои моего дворца к вашим услугам!

– Сначала дело, – тоном, не терпящим возражений, ответил Кирион. Смягчил резкий тон прохладной улыбкой. – Ваше величество! Вы человек занятой, я тем более. Не будем попусту терять время. Оставим обеды до окончания переговоров, когда будет, что праздновать. По крайней мере, я надеюсь на это.

Харий кивнул, соглашаясь. И два правителя удалились в зал совещаний. Поспешил за ними советник Олаф и светловолосый северянин. Некоторое время во дворе еще бурлил народ, на все лады обсуждая прошедшую церемонию. Затем все разошлись. Лишь слуги суетились около алтарей. Одни – убирая головешки, другие – аккуратно расставляя щедрые дары вокруг жертвенников Террии и Игниуса. На всякий случай. Чтобы те не обиделись столь явным пренебрежением.

Шаная остановившимся взором уставилась перед собой ничего не видя. Она вновь и вновь переживала сцену, невольной свидетельницей которой только что стала. Принц далекой страны заворожил ее, околдовал своим мягким хриловатым голосом с то и дело проскальзывающими стальными нотками, удивительно темными глазами и резкой непривычной красотой.

– Кирион, – прошептала она, привыкая к чужому имени. Повторила еще раз, перекатывая каждый слог между губ: – Ки-ри-он...

– Что ты там бормочешь? – сонно спросила Нинель. Широко зевнула и подобрала упавшее на пол вязанье. – Ох, как меня сморило-то сегодня! Часа два точно продремала.

Шаная промолчала. С ее языка так и рвался рассказ о том, какие гости сегодня пожаловали во дворец, но что-то внутри строго шепнуло: «Не смей! Ей все равно не понять. Лишь отругает за излишнее любопытство». Но в голове у девочки уже созрел план ближе познакомиться с загадочным гостем.

* * *

Переговоры в тот день затянулись до поздней ночи. Их нельзя было назвать легкими или приятными. Основные споры велись об условиях продления соглашения о ненападении. Главным требованием Кириона оставалась передача под власть империи хотя бы одного острова как знак доброй воли и расположения между соседями. Харий в свою очередь и слушать не желал

о подобных уступках. Несколько раз принц достаточно откровенно намекнул, что у Дахара в настоящий момент нет возможности защитить все острова. Они расположены слишком далеко, возведение укреплений еще не закончено и вряд ли завершится в ближайшие годы. Зачем упорствовать, если в итоге можно потерять все? Но Харий боялся, и не без оснований, что подаренный остров империя использует в качестве площадки для подготовки последующего вторжения, в кратчайшие сроки превратит его в неприступный бастион, откуда потом запустит жадные щупальца в мирные земледельческие провинции. На что принц достаточно резко возразил, что если доверия между соседями нет изначально и Харий подозревает, что Нардок способен на такую подлость, то и дальнейшие переговоры представляются ему бессмысленным занятием и потерей времени.

В общем, переговорщики разошлись далеко за полночь, наспорившись до хрипоты и так и не придя к окончательному решению. Перед сном король долго жаловался советнику, что надо было убить принца в самом начале встречи. Пусть бы это покрыло его нескрываемым позором, но решило бы все проблемы самым радикальным и простым способом.

– Вряд ли бы вы его убили, милорд, – задумчиво ответил Олаф. – Полагаю, он вынуждал вас на этот поспешный и необдуманный шаг, чтобы полностью развязать себе руки. Если Нардок начнет войну сейчас – то его не поддержит ни южная Ритония, ни западный Зальдер. Да и Дариония вновь всколыхнется, а этого империя ой как не хочет. Нет, открытой военной поддержки наша страна вряд ли от них дождется, но негласной будет хоть отбавляй. Кирион не дурак, наверняка понимает это. Ему нужно оправдание для начала боевых действий. Попытка убийства наследного принца, прибывшего на переговоры под белым флагом, знаменующим защиту Пресветлой богини, для этого подходит лучше всего.

– Ну и что? – в запальчивости воскликнул Харий. – Он все равно к тому моменту был бы мертв, так что кому какая разница?

– Не думаю, – мягко возразил советник. – Вы наверняка заметили его кулон. Неужели не узнали в камне кристалл Игниуса? Не алый, который часто используется для связи, а синий. Они довольно редки, поскольку для их изготовления требуется огромное количество серебра и алмазы самого высокого качества. Но при их помощи возможно мгновенно попадать в нужное место. Как только вы отдали бы приказ напасть – принц без особых проблем перенесся бы в безопасное место. Полагаю, прямоком в свой дворец. Да еще этот его помощник, который всюду следует за ним словно тень. Как его, Фарий, что ли? Он пытается не высовываться, но магическая сила выдает его с головой, не говоря уж о татуировке на руках, показывающей высшую ступень посвящения в храме Пресветлого бога. Амулеты в зале совещаний аж затрещали, когда он вошел. Или ваш придворный маг не шепнул вам на ухо, чтобы вы были осторожнее с ним?

– Шепнул, – нехотя признал Харий. Несколько раз нервно сжал и разжал кулаки. – Не люблю, когда в переговорах участвуют маги. Колдовство – подлое искусство. Нечестно, что боги награждают столь высокой властью лишь немногих избранных. За какие заслуги спрашивается?!

Советник никак не ответил на последний яростный выкрик короля. Это была еще одна причина, по которой он не спешил рассказывать господину о загадочных способностях маленькой принцессы, пока еще неявных, но грозящих со временем перерасти в громадную проблему. Харий терпеть не может магов. Интересно, как он отреагирует, когда узнает, что его семью боги тоже почтили подобным благословением?

Кирион в свою очередь после окончания затянувшейся встречи не торопился в покои. Его кровь еще бурлила от яростных споров и искусно замаскированных угроз, щедро раздаваемых обеими сторонами. Что скрывать, принц любил риск и не боялся обжечься, играя с огнем. Все его советники были против личного участия Кириона в переговорах, особенно на территории противника.

Принц усмехнулся, вспомнив, какой разгорелся скандал, когда при дворе узнали, что он собирается в гости к королю Харию практически в одиночку, сопровождаемый лишь троичей верных друзей. Даже наличие в его свите Фария не могло успокоить советников. «Безумие! – кричали они на разные голоса. – Ваше высочество, это безумие! Не думаете о себе, так подумайте об империи! Что будет, если Харий воспользуется удобным случаем и убьет вас? Вашему брату, принцу Ноэлю, потребуется не меньше года, чтобы разобраться в хитросплетениях дворцовой политики и интриг. Он способный юноша, но ему всего двадцать!»

– Ваше высочество! – Позади стула неслышно материализовался Фарий. – Что-то случилось? Почему вы не идете в покои?

– Хочу прогуляться перед сном, – честно ответил принц. Потянулся, разминая затекшие после долгого сидения суставы. Бросил косой взгляд на приятеля. – Составишь компанию?

– Вы же знаете, что да. – Фарий пожал плечами. – Ваша мать – императрица Орелия – собственноручно спустит с меня шкуру живьем, если узнает, что я куда-нибудь отпустил вас в одиночку.

– Да, матушка это может, – с легкой усмешкой согласился Кирион. Обвел взглядом опустевший зал совещаний, стол, заваленный бумагами и картами спорных территорий. – Ну что же, пойдем.

Он долго стоял в дверях, ведущих во внутренний двор дворца. В нем клубился мрак, лишь на вершинах четырех сторожевых башен пылали факелы, но от этого тьма здесь, внизу, казалась особенно плотной и физически ощущаемой. Сегодня не было луны, поэтому небо мерцало миллиардами звезд, словно Пресветлая богиня опрокинула шкатулку со своими драгоценностями. Воздух, прогретый за долгий жаркий день, поднимался от каменных плит. Ни ветерка. Флаги двух стран повисли в недвижном воздухе, выделяясь на темном фоне дворцовой стены светлыми пятнами.

Фарий не мешал принцу. Он привык к таким поздним прогулкам, когда Кирион мог часами молчать, размышляя о чем-то своем. В самом сердце чужой враждебной страны преданный воин и маг думал лишь о том, как защитить своего господина. И тем удивительнее было, что он не заметил маленького сгустка тьмы, лишь чуть плотнее стены мрака, притаившегося в нескольких шагах от дверей.

Принц внезапно нахмурился, почувствовав тот же пристальный взгляд, который уже ощутил на себе во время дневного ритуала приветствия. Тряхнул головой, скидывая с себя оцепенение, незаметно огляделся. Фарий покачнулся было к нему, тоже заподозрив неладное, но Кирион приподнял палец, останавливая его от расспросов. Сощурился, пытаясь понять, что же именно не так. Медленно сомкнул пальцы на рукояти меча и бесшумно скользнул вправо. В тот же миг с негромким звоном клинок покинул ножны. С резким свистом распорол густые чернила поздней ночи.

– Ой! – испуганно выдохнула Шаная, прижимаясь спиной к стене дворца. Ее шею холодило острие меча.

Фарий прищелкнул пальцами, создав огонек, достаточно крошечный, чтобы не привлечь внимания караула на башнях и у ворот. Тот подплыл к лицу девочки, осветил черные блестящие волосы, перехваченные голубой лентой, огромные синие глаза, дорогое шелковое платье.

– О боги! – изумленно выдохнул принц, торопливо убирая клинок в сторону. – Дитя, что ты тут делаешь?

– Гуляю, – честно ответила Шаная. С запозданием вспомнила про хорошие манеры и торопливо присела перед гостем в глубоком реверансе.

– Не слишком ли ты юна для столь поздних прогулок? – с усмешкой поинтересовался Кирион. – Ночью маленькие девочки должны сладко спать в своих постелях, а не разгуливать в одиночестве. Что случилось бы, если бы я не успел остановить удар?

– Вы бы убили меня, – спокойно сказала Шаная. – Как того несчастного ягненка.

– Несчастливого ягненка? – переспросил Кирион, недоуменно нахмурившись. – Ты присутствовала при ритуале приветствия? Странно, я не заметил никаких детей.

– Я следила за вами из окна, – немного смутившись, пояснила принцесса.

– Вот как. – Кирион сделал паузу. Переглянулся с Фарием, который ответил ему столь же изумленным взглядом. Затем вновь обернулся к девочке. – А как ты подкралась так бесшумно? Я не слышал твоих шагов.

– Самое удивительное, что я тоже, – негромко, себе под нос, буркнул его спутник. – Что немисливо, если... Если не использовать магию.

Принц услышал его слова и внимательнее посмотрел на девочку. Крошечный огонек плясал у ее лица, отражался в синих глазах, ронял блики на гладкие тяжелые волосы.

– Ну так что же? – В голосе Кириона теперь слышались отчетливые ледяные нотки. – Как ты сюда попала?

Он полагал, что девочка испугается, возможно, даже расплачется. Но такой реакции принц не ожидал. Она улыбнулась, даже не моргнув от его немигающего взора.

– А вы не расскажете моему отцу? – вопросом на вопрос ответила Шаная. – Он рассердится. Вновь запрет меня в комнате на полгода. Хотя... Вообще-то он еще и не выпускал меня после прошлого раза.

– И что же ты натворила? – поинтересовался Фарий, пытаясь незаметно прощупать ауру загадочной незнакомки, но раз за разом неизменно терпя в этом поражение. И это весьма озадачивало северянина. Он был сильным магом. Пожалуй, одним из самых опасных в империи, а возможно, и здесь, в Дахаре. Не зря его ладони покрывала алая татуировка Игниуса – знак принадлежности к высшей касте колдунов. Нет, будь у него больше времени и возможность действовать открыто, не считаясь со средствами, он бы обязательно достиг успеха. Но даже в условиях скрытого сканирования поражение было удивительным делом. Ладно, маг бы понял, если бы против него стоял действительно достойный соперник. Но ребенок?!

– Я сбежала. – Шаная печально вздохнула. – Все из-за брата. Он мучил кошку, а я помещала ему. Ольд пригрозил, что все равно найдет и убьет ее. Вот я и подумала, что надо отнести кошку в деревню. Там бы она точно не пропала. Не держать ведь ее вечно у меня в комнате. Да и Нинель была против.

– Ольд? – переспросил Кирион, услышав знакомое имя. – Принц Ольд?

– Ну да. – Шаная кивнула, пораженная недогадливостью гостя.

– То есть ты дочь короля Хария? – Фарий аж подался вперед в ожидании ответа.

– Да, да. – Девочка фыркнула, раздраженная недогадливостью мужчин. Немного подумала и вновь присела в глубоком реверансе. – Принцесса Шаная к вашим услугам.

Кирион спрятал лицо в ладонях. Его плечи затряслись от беззвучного хохота. Подумать только, какая ирония судьбы! Всего в шаге от него стоит дочь его злейшего на данный момент противника. Если бы он не остановил меч в последний момент, то уже завтра две страны схлестнулись бы в кровопролитнейшей войне до последнего. А что мешает ему сейчас подхватить девочку под мышку, раздавить кристалл Игниуса и получить наивернейшее средство для подписания перемирия на самых выгодных для Нардока условиях? А его спутники... Ну что же, он с самого начала был готов к таким жертвам. Фарий наверняка выберется из дворца самостоятельно, а остальным он сразу же объяснил, что не все могут вернуться из поездки в другую страну.

Кирион был в курсе обстоятельств смерти первой супруги Хария, знал, что для короля значит его старшая дочь. Шантажировать его детьми от второго брака – глупое и бесперспективное занятие. Но Шаная – совсем другое дело. Король пойдет на что угодно, лишь бы с драгоценной головки его ненаглядной дочки, носящей имя покойной любимой жены, не упало и волоска.

– Ваше высочество? – обеспокоенно протянул верный Фарий, без сомнения, угадав недостойные мысли своего господина. – Это же просто ребенок! Не стоит, право слово...

Он не закончил свою мысль, но принц и без того понял его. Действительно, самое низкое и недостойное занятие – втягивать в войны взрослых невинных детей. Шаная не выбирала, в какой семье ей надлежит родиться, и уж тем более не отвечает за внешнюю политику отца.

– Так *как* ты подкралась ко мне настолько незаметно? – повторил вопрос Кирион, поставшись забыть о своих недавних подлых планах. Помолчал немного и добавил с двусмысленной усмешкой: – Клянусь, что это останется лишь между нами.

– Тени. – Шаная раскинула в стороны тоненькие ручки, словно балансируя на невидимом канате. – Это все тени. Они слышат меня и откликаются на зов. Их можно попросить об одолжении. И тогда сама станешь тенью. Пусть на краткий миг, но все же. Видите?

Фарий сплюнул сквозь зубы проклятье, когда худенькая фигурка девочки замерцала, растворяясь в ночном мраке. Одно биение сердца – и она исчезла, словно привиделась им только что. Но через секунду вновь возникла на том же месте, улыбаясь, словно после удачной проказы.

– Она не потревожила ни одной нити силы, – зашептал маг на ухо своему господину. – Это немыслимо! Я никогда в своей жизни не встречал столь странных чар. Как такое возможно?

Принц нервно хрустнул длинными холеными пальцами. Он понимал беспокойство Фария. Магия подчиняется определенным законам и правилам. Есть целители, поклоняющиеся Пресветлой богине. Есть боевые маги, пользующиеся силой Игниуса. Есть некроманты, получившие власть от Смерти. Девочка могла применить любые чары, но природу ее силы обязательно почувствовал бы Фарий или он сам. Но тени? Что это значит?

– Кто тебя научил этому? – излишне резко спросил он, невольно делая шаг назад. – Придворный чародей?

– Никто, кроме вас, об этом не знает. – Шаная смущенно пожала плечами. – И вы обещали не рассказывать моему отцу. А научили... Сами тени и научили. Они везде и всюду. Когда засыпаю – слышу их шепот. В углах комнаты, над кроватью, под столом и стульями – всюду они. Иногда, когда я устаю или не в духе, то не вслушиваюсь. Но они рассказывают так много интересного, обещают показать мне целый мир! Это так... заманчиво...

– По девочке плачет костер, – кратко резюмировал Фарий. Кирион видел, как его верный маг напрягся, словно в любой момент ожидая нападения. – Тени – создания мрака. Если они с ней разговаривают, то... Не мне вам объяснять, господин, что это значит.

Кирион понимал, на что намекал маг. Помимо трех богов, в этом мире был еще и четвертый, о чьем существовании старались не вспоминать. Бог тьмы и мрака, прародитель самых жутких созданий, которые скрываются в ночи. Тот, чье имя неназываемо, чтобы не привлечь ненароком его внимание. Галаш, бастард Пресветлой богини, родившийся от ее противоестественного и насильственного союза с волком. Полубог, полужверь.

– Ты решила сегодня прогуляться из-за теней? – хрипло поинтересовался Кирион, невольно вновь смыкая пальцы на рукояти меча, будто готовясь к нападению. – Они приказали тебе найти меня?

– О чем вы, принц? – Шаная широко распахнула свои бездонные глаза. – Я пришла сюда сама. Просто хотела узнать...

Тут она запнулась, безуспешно подыскивая слова. Кирион не торопил ее. Он то и дело бросал исполненные тревоги взгляды на Фария, гадая, как же поступить дальше. Если маленькая принцесса – исчадие ночи, если она нападет на него, то придется защищаться. Но как потом оправдаться? Ведь в глазах Хария и всего мира это будет выглядеть убийством невинного ребенка. Никто не поверит его рассказу о тенях, раз уж за почти двенадцать лет жизни девочки придворные маги Дахара не забили тревогу.

– На ритуале вы убили ягненка, – тихо продолжила принцесса, глядя куда-то поверх головы Кириона. – Неужели вам не было его жалко?

– Жалко? – невольно переспросил тот. Не такого вопроса он ожидал от Шанаи. Невероятно, и это создание вздумало учить его милосердию! – Почему я должен его жалеть?

– Ну... – Принцесса замялась на неуловимый миг. Потом взглянула прямо в глаза Кириона. – Он же был живой! Он чувствовал боль и страх! И он хотел жить. Очень хотел. Почему... Разве это было настолько необходимо?

Брови Кириона сами собой полезли на лоб от изумления. Нет, тут что-то не сходится. Слуги Галаша не обладают состраданием. Они убивают ради собственного развлечения, смеются над болью и муками своих жертв, получают нескрываемое удовольствие от пыток. Почему Шаная задает такие вопросы? Или они с Фарием ошиблись, и на самом деле на девочке лежит благословение другого бога? Но в таком случае какого?

Фарий без проблем понял причины замешательства своего господина. Выступил вперед, будто пытаясь прикрыть принца в случае неожиданного нападения.

– Принцесса, – с показной вежливостью проговорил он, – не путайте животных и людей. Боги для того и создали скот, чтобы он умирал во имя нашей жизни. Вы же не рыдаете, когда едите тушеное мясо или хорошенько прожаренный бифштекс? А ведь чтобы насыть вас, пришлось убить такого же миленького ягненка, как сегодня днем. Почему вас тогда настолько смутил ритуал?

Шаная молчала, видимо, не зная, как возразить.

– Нет, это не значит, что надо издеваться над животными, – продолжил уже Кирион. – Тот, кто получает удовольствие от страдания беззащитного существа, не способного оказать никакого сопротивления, – слабый и никчемный человек, трус, который боится кинуть вызов действительно достойному сопернику. Поэтому когда убиваешь животное, надо сделать это как можно быстрее и безболезненнее.

– Это же правило касается и врагов, – тихо, себе под нос, добавил Фарий. Понимающе переглянулся с принцем. – Пытки – наслаждение для слабых. Смерть – уже достаточное наказание, чтобы усугублять его подобным образом.

Кирион предполагал, что девочка не поймет ни слова из их мудреных умозаключений. К чему ребенку задумываться над столь серьезными вещами? Но она на удивление серьезно кивнула.

– Понятно, – протянула Шаная. Встрепенулась, будто почувствовала что-то, недоступное для них. – Простите, принц. Я вас слишком задержала. Вам пора, мне тем более. Нинель вот-вот проснется. Случится скандал, если она не обнаружит меня в комнате.

– Постой! – окликнул было ее Кирион, но девочка уже растворилась в ночном мраке. Исчезла, вновь не потревожив ни одной тончайшей ниточки силы, как известно, паутиной окутывающий весь мир и видимой лишь для избранных. Только слабое дуновение ветерка принесло им напоследок тихий шепоток:

– Принц, вы обещали не рассказывать моему отцу. Сдержите слово, прошу!

На следующий день переговоры проходили куда спокойнее, чем накануне. Харий не уставал удивляться столь странной перемене в поведении высокого гостя. Лишь вчера принц каждое предложение воспринимал в штыки, при любом удобном случае ядовито намекая на то, что Дахар находится не в том положении, чтобы ставить какие-либо условия для продления перемирия. Но сегодня Кирион был на удивление тих и задумчив. Он без малейшего возражения выслушал все те же доводы советников Хария, будто забыв, что всего несколько часов назад высмеял их и отверг, даже не потрудившись обсудить. Изредка он перекидывался молниеносными взглядами с Фарием, и королю это не нравилось больше всего. В голове крутилась лишь одна мысль: что же задумал чужак? Откуда взялась эта разительная перемена в его настроении?

– Давайте подведем краткие итоги наших переговоров, – неожиданно сказал Кирион, оборвав выступление очередного докладчика, который как раз разглагольствовал о бедственном положении островов и их ненужности для Нардока. – Вы желаете продлить договор о ненападении, не отдавая при этом острова. Я в свою очередь готов подписать соглашение только при наличии определенных гарантий с вашей стороны. Маленький клочок земли на спорных территориях меня вполне устроит. Тупик, однако. И как бы ни распинаясь ваши советники, какие бы новые доводы они ни приводили, я останусь при прежней точке зрения. Как и вы не измените свою, что бы я ни сказал в ответ. И что будем делать?

Олаф встревоженно выпрямился на своем стуле. Он слишком хорошо знал Кириона, поэтому осознал: принц никогда бы не задал такой вопрос, если бы уже не знал ответа. Неужели переговоры провалились? Очень, очень некстати, учитывая, что Дахар не готов к войне.

– Простите, ваше высочество, но я не совсем понимаю, куда вы клоните, – осторожно произнес Харий, наверняка подумав о том же. – Вы считаете, что мы не придем к соглашению?

– При нынешних исходных данных – нет, – отрубил Кирион. Сделал достаточную паузу, чтобы до всех присутствующих дошел печальный смысл этой фразы, потом вкрадчиво продолжил: – Но у меня есть одна идея, как в итоге примирить всех.

– И какая же? – спросил Харий, не понимая, куда клонит принц.

Кирион не спешил с ответом. Он встал и неторопливо прошелся по залу совещаний, сцепив за спиной руки. Харий не торопил его. Он лишь наблюдал за его действиями с искоркой недоумения в глазах.

Наконец принц остановился напротив него. Выпрямился и произнес, глядя сверху вниз:

– Во все времена соглашения о ненападении было принято подкреплять династическими браками. У вас достаточно дочерей, чтобы пойти на этот шаг. Спорный же остров может быть обещан в качестве приданого для невесты. В итоге Дахар получит достаточные гарантии, что переданная территория не будет использована в качестве плацдарма для будущего нападения. А Нардок... Нардок возьмет то, что ему нужно.

– Династический брак? – с нескрываемым облегчением и почти что счастьем выдохнул Харий. На подобный исход дела он и надеяться не смел. Породниться с правителями Нардока мечтали, пожалуй, все властители сопредельных Дахару земель. И гордая Ритония, и богатейший Зальдер во все времена желали поближе сойтись с чересчур воинственным соседом, медленно, но верно отъедающим самые лакомые кусочки от их территорий. Но вот беда, правители Нардока предпочитали жениться по любви, выбирая в свои спутницы зачастую даже не знатных девушек, а обыкновенных простолюдинок.

– Ваше предложение, бесспорно, очень лестно для нас, – затараторил советник Олаф, уловив течение мыслей своего господина. – Действительно, на таких условиях мы можем пожертвовать одним островом. Если наши две страны породнятся на столь высоком уровне, то любые опасения сами собой развеются. Разве могут быть счеты у почти что кровных родственников?

– Я знал, что мое предложение вам придется по нраву, – без тени улыбки оборвал нескончаемый поток лстивых восторгов Кирион. Посмотрел на короля. – Ну так как? Вы согласны отдать вашу дочь замуж?

– За вас? – на всякий случай уточнил Харий.

– Ну что вы. – Кирион негромко рассмеялся. – Мне уже за тридцать. Боюсь, я слишком стар для ваших красавиц. И потом, мое сердце, увы, занято. Но у меня есть младший брат – Ноэль. Полагаю, он более подходящая кандидатура.

Харий нахмурился. Он бы с куда большим удовольствием породнился с будущим правителем империи, чем с его младшим братом, который, вполне вероятно, так никогда и не получит престола. Но предложение все равно оставалось слишком заманчивым, чтобы отказаться от него.

– И какой вы остров желаете получить в качестве приданого за мою дочь? – поинтересовался он, потянувшись к картам. – Полагаю, Хеван?

Хеван был одним из самых крупных и стратегически важных в гряде Северных островов. Он находился примерно на равном расстоянии и от столицы Нардока Тахаора, и от столицы Дахара Валиона.

– На вашем месте я бы скорее спросил, какую дочь я желаю видеть супругой моего брата. – Кирион пожал плечами. – Приданое же... Я с удовольствием оставлю право выбора за вами. Не буду возражать, если речь пойдет о Шарине.

Харий не сумел сдержать удивленного восклицания. Шарин? Даже не остров, так – крохотная скала, практически полностью уходящая под воду во время прилива. Нет, немыслимо! Ведь на нем невозможно устроить крепость, в лучшем случае удастся втиснуть крохотный домик, не больше, да и тот наверняка смоем во время зимних штормов. Зачем Нардоку такая подачка, если он вправе требовать большего?

– Ваш выбор, что скрывать, изумил меня, – тщательно подбирая слова, проговорил Харий. – И, бесспорно, обрадовал. Это означает, что вы на самом деле настроены на мир. Ну что же. У меня много дочерей. Вы можете выбрать любую. Данирия, Селия, Жания и крошка Литиция. Полагаю, больше всего подойдет первая. Ей скоро исполнится десять. Лет через пять она уже окажется готова к брачному ритуалу, через семь – сможет подарить вашему брату ребенка.

Кирион негромко рассмеялся, не обращая внимания, как Харий обиженно нахмурился от подобного проявления неуважения. Вернулся на свое место и сел, вальяжно откинувшись на спинку стула.

– Ваше величество, – сказал он, разглядывая что-то поверх головы собеседника. – Вы меня поражаете. Перечисляя имена своих дочерей, вы почему-то забыли о самой старшей. Принцессе Шанае на днях исполнилось двенадцать. Она куда больше подходит на роль невесты Ноэля. Подумаешь, разница в возрасте всего в восемь лет. Почему вы о ней не упомянули?

– Но...

Харий осекся, не в силах продолжать. Он не предполагал, что разговор повернется подобным образом. Отдать чужакам свою любимицу, дочку, так напоминающую покойную жену? Зачем она им? Как тогда он сможет защищать ее, оберегать от любых невзгод? Вдруг муж начнет издеваться над ней, избивать? Что скрывать, среди знати часто встречались настоящие садисты, которые дурное расположение духа в первую очередь срывали на близких и родных. «Бьет, значит, любит, – говаривали в народе. – Жена да во всем подчинится своему мужу. Если он поднимает на нее руку, значит, сама виновата. Не угодила ему в чем-то».

– Она слишком мала для этой роли, – с усилием выдавил он, уже предполагая, каким именно будет следующее возражение.

– Она на два года старше Данирии. – Кирион торжествующе ухмыльнулся. – И потом, я не требую отдать ее в жены моему брату прямо сейчас. Пусть сначала обучится нашему языку и достигнет возраста, когда полноценные брачные отношения не грозят увечьями или смертью. Ну, вы понимаете, о чем я говорю. Очертим строгие рамки. Я могу сыграть роль подменного жениха. Шаная через меня обручится с Ноэлем. А потом у нее будет несколько лет, чтобы полностью подготовиться к роли верной и преданной супруги. Зная вас, я не сомневаюсь, что у нее все получится в наилучшем виде. И, скажем, когда ей исполнится семнадцать, отпразднуем уже настоящую свадьбу.

Харий молчал. Он сидел, с такой силой вцепившись в край стола, что Олаф всерьез обеспокоился – не сломается ли тот. На внешне безучастном лице короля нельзя было прочесть и тени эмоций. И в то же время глаза горели тревогой и непонятным страхом.

– Решайте сами, – проговорил Кирион, наверняка уловив сомнения короля. – Я не настаиваю. Но даже самый преданный союзник не подарил бы вам более выгодного предложения.

Дочь в обмен на долгосрочный договор о мире. В ситуации, когда у вас просто нет козырей. Почему вы еще сомневаетесь, а не кричите от радости во все горло?

Советник Олаф встревоженно вскинулся от последней насмешливой фразы. Зная характер и гордость Хария, можно было предположить, что он строго покарает наглеца. Но король не обратил внимания на это в высшей степени непочтительное замечание. Он оцепенел, вглядываясь во что-то, видимое только ему. И лишь пальцы, нервно барабанившие по столешнице, выдавали его истинное настроение.

– Шаная, – наконец после долгой томительной паузы, вышедшей за пределы всех правил этикета, прошептал Харий. – Почему именно она? Ваше высочество, возьмите любую мою дочь, но Шаная оставьте. Я... Право слово, она не нужна вам. Да, она моя старшая дочь, но, к сожалению, от покойной жены. Прошу, измените свой выбор.

– Ваше упрямство заставляет меня настаивать, – оборвал его Кирион. – Ваше величество, ваша старшая дочь, по сути, сорный цветок в новом благоухающем саду. Королева Ханна будет биться как львица, чтобы выцарапать для своих детей наилучшую участь. В таких условиях, увы, принцесса Шаная останется в проигрыше. И потому мое предложение для нее – настоящее спасение.

Король Харий вскинулся было возразить, но верный Олаф положил ему руку на плечо, останавливая от необдуманных слов.

– Давайте обсудим это наедине, – шепнул он на ухо правителю. – Подобные дела не решаются за один день. Скажите принцу, что дадите ответ завтра. И подумаем, что таится за его словами.

– Ваше предложение долгосрочного мира так неожиданно, – настороженно протянул Харий, будто забыв, как буквально несколько минут назад он был готов принять его безоговорочно. – Надеюсь, вы дадите мне время для размышления?

– До завтра, – отрубил Кирион. – Полагаю, этого срока вам вполне хватит, чтобы понять, в чем именно заключается благо для вашей страны.

Сказав это, принц вышел из зала переговоров, совершенно не беспокоясь о том, кто и что о нем подумает. Последовал за ним и верный Фарий.

Кирион догадывался, что этой ночью его вновь ожидает встреча с Шанай. Он с самого вечера расположился во внутреннем дворе дворца, отстраненно наблюдая за тем, как раскаленный шар солнца медленно уходит за линию горизонта, как струйки теней ползут по плитам, завоеывая все больше и больше пространства, как успокаивается извечная суматоха слуг. Но принцессы все не было. Наконец, когда принц готов был признать свое поражение и удалиться к себе, в окружающем пространстве что-то произошло. В густом лиловом мраке летней ночи вдруг повеяло свежестью, пламя ближайшего факела рвануло с древка, чуть не потухнув, на уши надавила внезапная тишина.

– Почему? – вдруг услышал Кирион в окружающем молчании. Завертел головой, пытаясь обнаружить источник звука, но попусту – рядом никого не было.

– Принцесса Шаная? – настороженно протянул Кирион, вертя между пальцами заветный кулон. – Это ты?

На этот раз принц решил отказаться от помощи верного мага Фария. Ему казалось, что его присутствие будет излишним, ведь Шаная обязательно захочет переговорить с ним без лишних свидетелей. В принципе так и произошло. Но почему-то сердце Кириона сжималось в тисках непонятной ледяной тревоги. Казалось бы – чушь! Как ему может навредить маленькая девочка, едва вступившая в первую ступень взросления? Однако факт оставался фактом. Пожалуй, впервые в жизни Кирион боялся. Сам не понимал, в чем скрывается источник его страха, и из-за этого раздражался сверх всякой меры.

– Шаная? – повторил Кирион, не дождавшись ответа. – Это ты?

В следующий миг тень принца, падающая от факела, неестественно удлинилась. Зашептался мрак, окружавший мужчину, невесомые мурашки пробежали вдоль позвоночника. В ближайшем углу что-то зашевелилось под покровом темноты. Кирион сжал рукоять меча, готовый к чему угодно.

– Да, я, – раздался негромкий голос, и принц с нескрываемым облегчением отпустил клинок, заметив, как сгусток мрака принимает знакомые очертания.

Миг, другой, и тьма окончательно оформилась в невысокую фигурку девочки. Ручейки мрака заскользили по гладким волосам, далекое спящее небо отразилось всполохом синевы в глазах.

– Я вас напугала? – Шаная легким скользящим шагом подошла к принцу и заглянула ему в лицо снизу вверх. – Мне почудился в вашем голосе испуг.

– Есть немного, – не стал отнекиваться Кирион. Помолчал и вдруг спросил неожиданно для самого себя: – Тебя вновь привели тени?

– Скорее, наоборот. – Шаная раздраженно передернула плечиками. – Это я попросила их о помощи. Мой отец сегодня сильно напугал меня. Он кричал на меня, обвинял в невероятных гадостях. И я поняла, что вы имеете к этому какое-то отношение. Вот и пришла поинтересоваться, чем именно я так разозлила отца. Неужели вы нарушили свое обещание и рассказали ему о нашей встрече?

– Харий кричал на тебя? – с нехорошей ухмылкой переспросил Кирион, проигнорировав ее вопрос. Конечно, это совершенно не касалось принца, но почему-то одна мысль, что кто-то может причинить вред синеглазому чуду, заставляла его кровь биться в жилах сильнее, а перед глазами все потемнело от скорой вспышки бешенства.

– Он – отец, ему можно, – кратко объяснила Шаная. Невольно потерла скулу, на которой лишь очень пристрастный взгляд мог обнаружить легкую припухлость после небрежной пощечины короля.

К сожалению, Кирион никогда не жаловался на недостаток наблюдательности. Он мягко приподнял подбородок девочки, развернул ее лицом к ближайшему факелу и замер, кусая губы от молчаливого негодования.

– Мне больно! – Шаная вывернулась из рук принца. Еще раз потерла слегка опухшую скулу и с вызовом вскинула голову, ожидая дальнейших расспросов.

– Харий ударил тебя? – бесцветным от тщательно скрываемого гнева спросил Кирион. – Не так ли?

– Отец испугался за меня, – честно ответила Шаная. – Он не мог понять, как вы узнали о моем существовании. Нет, даже не так. Он не понимал, почему вам понадобилась именно я. Поэтому позволил себе лишнее. Но я... Я не обижаюсь на него.

Тут голос Шанай предательски дрогнул и сорвался. Девочка поспешно опустила голову, пряча вновь накотившие слезы. Она лгала Кириону. На самом деле вспышка гнева отца ее очень напугала. Харий явился в ее комнату сразу после окончания совещания. Один, без сопровождения верного Олафа, который наверняка бы заступился за принцессу. Приказал Нинели убираться прочь, а потом...

Шаная печально скривила губы. Она никогда не видела отца в таком бешенстве. В считанные минуты он разгромил небольшую комнату своей дочери, не оставил целым ни одного предмета мебели. Платяной шкаф, письменный стол, кровать и несколько стульев – все рассыпалось древесной трухой от гнева короля. Но даже не это испугало Шаная. Харий, несколько не стесняясь придворных, наверняка подслушивающих под дверью, кричал о том, что ее дочь целиком уродилась в мать. Мол, такая же продажная и гулящая. Даже под строгим надзором умудрилась завести шашни с заморским принцем. И почему-то повеяло от этих обвинений такой грязью и мерзостью, что девочка горько расплакалась, хотя обещала себе сдержаться в присутствии отца.

Но Харий не стал утешать любимую дочь. Он влепил ей пощечину, хотел еще добавить, но в дверь уже рвался старик Олаф, презрев высочайшее повеление не вмешиваться. Советник клял себя, свои старые ноги, уже не способные бегать по лестницам дворца так же шустро, как во времена далекой молодости, из-за чего он застал скандал уже в разгаре, а не предотвратил его. Харий приказал ему убираться, кричал, что сам огнем вычистит заразу из своего дома, раз уж не уследил за ее появлением, но вдруг перехватил взгляд белесых, выцветших от старости глаз верного советника – и осекся. Посмотрел на перепуганную дочь, безуспешно сдерживающую рыдания в углу, на царящий вокруг разгром – и ушел, сгорбившись и словно состарившись разом на десяток лет.

Нет, Шаная не собиралась рассказывать об этом Кириону. Он узнал о событиях этого дня из уст Фария много позже, когда уже покинул королевский дворец. Верный маг, зная взрывной характер своего господина, побоялся открывать ему подробности, пока между ними и Харием не оказалось несколько десятков миль. И в чем-то он оказался прав. Принц сам не мог объяснить причин происходящего, но почему-то он готов был убить Хария, когда увидел синяк на скуле Шанаи.

– Понятно. – Кирион выпрямился и несколько раз сжал и разжал кулаки. Произнес с глухой угрозой, глядя куда-то поверх девочки: – Что же, его поступок заставляет меня принять определенные меры. Я не хочу, чтобы мой брат остался вдовцом еще до своей женитьбы. Или же получил в супруги, нервное забитое существо.

– О чем вы, принц? – Шаная с любопытством взглянула на него. – Какой ваш брат? И может быть, расскажете, чем вы так разгневали моего отца?

– Чем разгневал? – Кирион слабо улыбнулся. Провел подушечкой большого пальца по чуть вспухшей щеке девочки. Та вздрогнула, когда по коже побежали горячие мурашки чужого заклинания. Миг, другой – и уже ничего не напоминало о недавней пощечине.

Принц полюбовался на творение своих рук и продолжил, глядя на нее чуть искоса:

– Твой отец очень гордый человек. В этом его основная слабость. Его приводит в бешенство, когда кто-нибудь посягает на то, что, как он думает, принадлежит только ему. Говорят, ты очень похожа на мать. Харий считал, что будет вечно держать в своих руках напоминание о былой любви. Мне показалось, что выйдет забавно, если поставить его перед таким выбором, когда он должен будет пожертвовать личным счастьем взамен государственного. Так и оказалось. Я поставил ультиматум: мир в обмен на тебя. Конечно, не прямо такими словами, но король прекрасно прочитал между строк то, что не было сказано вслух. Реакция Хария превзошла самые смелые мои ожидания. Конечно, я мог выбрать любую его дочь, да хоть всех сразу, скопом. Но перемирие, заключенное подобной ценой, было бы слишком хрупким и ненадежным. Харий не испытывает никаких чувств к детям от второго брака. А вот ты... Ты – совершенно другое дело. Ты поедешь в Нардок в качестве будущей жены для моего брата, а вместе с тобой я получу и сердце короля.

– Вы упрекаете моего отца в гордости, – негромко проговорила Шаная. – Но разве сами не подвержены такой же слабости?

– Еще как подвержен. – Кирион согласно кивнул. – И именно поэтому я, как никто другой, знаю слабости твоего отца и могу на них сыграть.

Синие глаза Шанаи потемнели от непонятного раздражения. Кирион приподнял бровь, с интересом ожидая возможных возражений, но их не последовало. Девочка в последний момент благоразумно проглотила какое-то нелицеприятное высказывание, так и вертящееся на языке, и сделала шаг назад, собираясь растаять во мраке.

– Постой, – окликнул ее Кирион. – Разве ты сама не хочешь отправиться в Нардок? Не сегодня и не завтра, но через несколько лет? Подумай, при дворе отца тебя ожидает серое, монотонное и бессмысленное существование. Ты наверняка знаешь, что королева Ханна не любит тебя. Твой отец, увы, не вечен, как и все мы. Рано или поздно престол займет принц

Ольд. Если к тому моменту ты еще будешь незамужней, то тебя или сошлют в монастырь, чтобы не мозолила глаза, или, что наиболее вероятно, отдадут в супруги самому отличившемуся из его приятелей. Не мне тебе рассказывать о характере принца, соответственно ты понимаешь, каких людей он соберет около себя. Неужели желаешь себе подобной участи?

– А что меня ждет при вашем дворе? – вопросом на вопрос ответила Шаная. – Откуда мне знать, что в итоге я не попаду в лапы еще большего чудовища, чем здесь? Чужая страна, чужие обычаи, и никого близкого или родного рядом.

– Для своих двенадцати лет ты рассуждаешь на удивление здраво, – с невольным изумлением протянул Кирион. – Однако не суть. Поверь, мой брат – хороший человек. Конечно, пока Ноэль шалопай тот еще, – на этом месте в голосе принца скользнула чуть уловимая добрая улыбка. – Но он никогда не позволяет себе издевательств над слабыми и беззащитными. Знаешь, кошкам и другим животным у нас во дворце живется намного вольготнее, чем у вас.

Шаная фыркнула от едва сдерживаемого смеха, вспомнив, видимо, свои жалобы на брата. Запрокинула голову к далеким небесам, усеянным миллиардами звезд, думая о чем-то своем. Затем бросила на принца шаловливый взгляд.

– Вы ведь хотите меня еще о чем-то спросить, – скорее утвердительно, чем вопросительно протянула она. – У меня есть несколько минут, пока Нинель бредет по коридору к моей комнате. Только, прошу, скорее! Иначе нового скандала не избежать.

– Почему ты открылась мне? – Кирион подался вперед, с жадным нетерпением ожидая ответа девочки. – Почему раскрыла свои способности? Насколько я понял, при дворе твоего отца никто не подозревает, что ты беседуешь с тенями. Чем я заслужил подобную честь?

– Не знаю. – Шаная пожала острыми худенькими плечиками. – Тени были не против. Когда я пыталась рассказать о них кому-нибудь другому, то просто не могла. Словно забыла, как это вообще – говорить. Я думала, с вами произойдет то же самое, но ошиблась. Вот и все.

Кирион еще о многом хотел расспросить девочку, но она вдруг напряглась, будто почувствовав то, что было не дано ему. Прижала палец к губам, молчаливо умоляя о сохранении тайны, и исчезла. Расплескалась пятнами тьмы по каменным плитам, растаяла струйками белевого холода в жарком душном мареве летней ночи.

Утром следующего дня Кирион выразил горячее желание побеседовать с Харием наедине. Без сопровождения многочисленных советников, строго следящих за соблюдением всех необходимых норм и правил переговоров, без слуг и телохранителей. Король, немало заинтригованный подобным предложением, после недолгих сомнений согласился. Никто так и не узнал, о чем именно беседовали два правителя за плотно закрытыми дверьми зала совещаний, но уже в полдень было объявлено о подписании долгосрочного мира между двумя державами. Нардоку под условия династического брака между принцем Ноэлем и принцессой Шанай отходил один из островов Северной гряды, Дахар в свою очередь получил необходимые гарантии в ненападении и обещание военной помощи.

После объявления радостной вести Харий отправился в покои к своей дочери. Та как раз заканчивала уборку в комнате под строгим присмотром верной Нинель. Воспитательница решила, что раз принцесса настолько разгневала своего отца, то должна самостоятельно устранить все последствия вчерашнего скандала. Шаная не возражала. Она весь день была непривычно задумчива, вновь и вновь вспоминая поздний разговор с Кирионом. Перед мысленным взором девочки уже вставали далекие чужие города и незнакомые земли. Она то и дело беззвучно шептала себе под нос имя обещанного мужа, словно пробуя на вкус. Ноэль. Интересно, похож он хоть немного на своего брата?

– Шаная...

Девочка вздрогнула, замерев с грязной тряпкой в руках посередине комнаты. Обернулась к отцу, невольно набывчившись и глядя исподлобья, словно маленький затравленный зверек. Сердце Хария защемило от неожиданной грусти и злости на себя. Как он мог ударить ее вчера?

Как мог позволить слепому страшному гневу настолько захватить его разум? Когда-то он уже был во власти подобного приступа, и даже противно вспоминать, чем тогда все закончилось.

– Ваше величество? – Нинель торопливо привстала, уронив с колен неизменное вязанье. – Что-то случилось?

Харий криво ухмыльнулся, заметив, как женщина испуганно покосилась на оставшуюся открытой дверь. Наверняка считает, что он опять начнет кричать и бесноваться, и заранее продумывает пути к отступлению.

– Подожди в коридоре, пожалуйста, – тяжело обронил Харий.

Нинель встревоженно зарыскала глазами по комнате, не торопясь выполнять просьбу короля.

«Бойтся, – неожиданно со всей горькой очевидностью понял Харий. – Бойтся оставлять меня наедине с Шанаей после вчерашнего. И в чем-то, наверное, она права».

– Все в порядке, Нинель. – Король выдавил из себя измученную улыбку. – Я пришел поговорить с дочерью. И... и извиниться перед ней за вчерашнее.

Нинель с нескрываемым облегчением перевела дыхание. Поклонилась и со всей скоростью, на которую еще были способны ее старые, измученные постоянной ломотой ноги, удалилась.

Шаная покорно ожидала начала разговора. Она замерла напротив отца, сцепив перед собой руки и уронив на пол ставшую ненужной тряпку. Харий тоже молчал. Все заранее приговоренные слова сами собой вылетели из головы. Он просто не знал, что сказать в свое оправдание. И невольно постоянно возвращался мыслями в тот проклятый день почти тринадцать лет назад. Тогда перед ним стояла мать Шанаи, которую он любил, пожалуй, больше самой жизни. И которую едва не убил в приступе бешенства. А ведь в тот момент она уже носила под сердцем его дитя. Целительницы Пресветлой богини совершили невозможное, сохранив беременность. Харий умолял о прощении на коленях, клялся, что подобного никогда не повторится, что это Галаш помутил его разум и заставил подозревать любимую женщину в измене и предательстве. Шаная – та, первая Шаная, по имени которой была названа потом их дочь – сделала вид, будто поверила. Но Харий боялся, что по-настоящему она его так и не простила. И, что самое страшное, король с тех пор был обречен подозревать, что супруга погибла во время родов именно из-за вспышки его ярости за несколько месяцев до родов, истратив все свои жизненные силы в попытках сохранить ребенка.

– Шаная...

Харий до соленого привкуса закусил губу, пытаясь перестать думать о той жуткой сцене, о своем постоянном неизбывном чувстве вины.

– Я был неправ, – наконец глухо продолжил он, с трудом сглотнув тугой комок в горле. – Я не должен был вчера так поступать с тобой. Прости, ты ни в чем не виновата. Забудь... Забудь все то, что я вчера тебе наговорил. Это был не я. Это Галаш говорил моими устами. Просто... Просто я не хочу, чтобы ты уезжала. Нардокцы заберут тебя, и я никогда тебя больше не увижу.

– Но ведь это произойдет не сегодня, – возразила Шаная в тщетной попытке утешить отца и тут же осеклась, поняв, что сболтнула лишнее.

– Откуда ты знаешь? – взревел было Харий, и от его возгласа в коридоре кто-то испуганно охнул. Наверняка подслушивающая Нинель не сумела совладать с эмоциями, испугавшись за свою воспитанницу. Шаная втянула голову в плечи, ожидая новой вспышки бешенства, но ее не последовало. Король несколько раз глубоко вздохнул, и сгустившаяся было перед его глазами пелена слепой ярости рассеялась.

– Сплетники, – проворчал Харий, найдя самое приемлемое объяснение. – В этом дворце всегда было слишком много сплетников.

Затем шагнул к дочери, не обращая внимания, как она побледнела, наверняка решив, что он вновь ударит ее. Сграбастал ее в охапку, прижав к себе так, что девочка болезненно охнула.

– Шаная! – Харий гладил дочь по голове, перебирал густые темные волосы, пропуская их между пальцев. – Прости меня, пожалуйста. Я очень, очень виноват перед тобой. Пожалуйста, я старый глупый дурак, у которого хотят отнять единственную радость жизни. Как ты будешь в чужой стране, совсем одна, без меня? Я не смогу тебя там защитить, не смогу даже утешить.

Шаная молчала, чувствуя, как отчаянный пульс отца отдается у нее в ушах. Да, прав был Кирион, тысячу раз прав. Он выбрал самый верный и самый простой способ получить сердце короля.

* * *

Помолвку Шанаи с Ноэлем назначили на следующее утро. По неписаным, но никогда не нарушаемым правилам такие торжества не проводились в подобной спешке. Сначала необходимо было распланировать всю церемонию буквально по секундам, разослать приглашения правителям соседних стран. Пусть они и не приехали бы, но своих послов обязательно прислали. Однако Кирион спешил. Он и так потратил слишком много времени на визит в Дахар и, если честно, даже не предполагал, что все завершится именно таким образом. Что скрывать, принц ехал предъявить королю ультиматум: мир в обмен на острова, но в итоге все прошло совсем иначе, чем планировалось. И Кирион сам недоумевал от своего поспешного решения. Стоило ли срывать тщательно расписанную игру ради синих глаз маленькой принцессы? Ведь по сути Нардок сделал Дахару поистине бесценный подарок, согласившись породниться с ним и фактически отказавшись от претензий на Северные острова.

Кирион знал, что в империи далеко не все будут довольны подобным исходом дела. В войне было заинтересовано слишком много сторон. Да, Нардок еще не оправился окончательно после утомительного и позорного в своей безрезультатности противостояния с Дарионией. Маленькая победоносная война с заведомо более слабым соседом представлялась наилучшим выходом и для исправления слегка подпорченной репутации, и для долгожданного обладания заветными территориями. Но принц еще сомневался в целесообразности подобного решения. Война – это всегда лотерея с непредсказуемым результатом. В истории было достаточно примеров, когда заведомо проигрышное столкновение оборачивалось неожиданной победой для практически уничтоженного соперника. А принц не любил зависеть от милости богов и их благосклонности. В любом случае Дахар слишком серьезный противник, чтобы надеяться на отсутствие сопротивления. Наверняка две страны жестоко потреплют друг друга, чем обязательно воспользуется Зальдер, давно пытающийся отобрать у могущественного соседа контроль над северным торговым путем. Да и Ритония в накладе не останется, взвинтив цены на продовольствие. Нет, пожалуй, он действительно поступил правильно. Осталось только убедить в этом остальных, а для этого необходимо было как можно быстрее вернуться в столицу Нардока – Тахаор.

Харий, конечно, высказался категорически против такой спешки, но Кирион настаивал, а значит, был очень красноречивым и убедительным в своих доводах. Королю ничего не оставалось, как согласиться.

Кирион должен был сыграть роль подменного жениха на предстоящем торжестве, чтобы через него Шаная обручилась с Ноэлем. Это была весьма распространенной традицией в те времена, однако принц почему-то нервничал. Нет, даже не так. Когда он думал о Шаная, то постоянно волновался и сам не мог объяснить причину этого. Было в девочке что-то неправильное, что-то пугающее и в то же время притягательное. Кирион любил загадки, и эту он очень хотел разгадать самостоятельно.

– Ваше высочество, вы готовы? – В комнату вежливо постучались. – Ждут только вас.

Кирион бросил последний взгляд в зеркало. Одернул строгий камзол в синих цветах империи, украшенный серебряной вышивкой, поправил перевязь с оружием и вышел прочь.

Церемонию было решено провести на свежем воздухе. Солнце уже клонилось к закату, вытягивая длинные тени от крепостной стены и жертвенников богам, установленных на том же месте, что и при прибытии принца во дворец. Прежде ясное небо сейчас хмурилось облаками, в любой момент готовыми переродиться ливневыми тучами. Далеко на западе горизонт уже наливался угрожающей синевой, предвещая скорую грозу. Поднявшийся ветер рвал флаги на башнях и праздничные гирлянды с алтарей.

Кирион отыскал взглядом девочку, застывшую в ожидании по центру внутреннего двора. Невольная улыбка тронула губы принца. Шаная казалась такой маленькой, беззащитной и испуганной. Совершенно одна. Ни отца, ни воспитательницы рядом. Непривычно длинное взрослое платье развевалось под порывами ветра, обнимая всполохами алого шелка стройную фигурку. Длинные черные волосы убраны в сложную прическу со множеством шпилек и косичек. В пронзительно-синих глазах застыли тревога и страх.

Принц неторопливо натянул перчатки из тончайшей кожи. Переглянулся с Фарием.

– Ваше высочество, вы уверены в своем поступке? – чуть слышно шепнул тот ему на ухо. – Еще не поздно отказаться. Полагаю, король Харий лишь на людях возмутится, а в глубине души сохранит к вам глубочайшую признательность и благодарность.

– Нет, Фарий. – Кирион отрицательно качнул головой. – Я чувствую, что Нардоку нужна эта принцесса. Будь она хоть исчадием Галаша, но империя получит ее.

Фарий почтительно поклонился, больше не рискуя настаивать. Но когда он выпрямился – в глазах застыло откровенное несогласие с выбором его господина. Правда, тот уже отвернулся и не заметил этого. Его шаги эхом отразились от каменных стен, вернулись, многократно усиленные. Харий опустил голову. Этот звук почему-то напомнил ему грохот земли по крышке гроба или стук молотка, забивающего гвозди. Такое отчаяние, наверное, испытывает погребаемый заживо, понимая, что каждый миг навсегда отдаляет его от солнца и мира живых. И больше нет надежды на спасение. Все, что остается, – лежать в темноте и холоде, ожидая, когда удушье сдавит железными тисками грудь.

– Начинайте.

От негромкого голоса Кириона король вздрогнул, будто от удара плетью. Ему хотелось закричать во весь голос, прекращая этот спектакль. Пусть чужаки убираются прочь, пусть никогда больше не приходят на его земли! Но вместо этого он лишь до побелевших костяшек сжал кулаки и кивнул распорядительнице церемонии – высокой седовласой женщине, верховной настоятельнице храма Террии.

– Сегодня мы собрались здесь во имя благой цели, – пронесся над притихшими людьми ее на удивление чистый и звонкий голос, более уместный для молодой девушки, чем для умудренной жизнью женщины. – Во все времена брачные союзы заключались по благословению небес. Только боги решают, достойна ли новая семья счастья или же будет вынуждена остаток жизни провести во взаимной ненависти. Поэтому принесем щедрые жертвы нашим защитникам и покровителям, чтобы умиловать их.

Шаная почти не вслушивалась в слова настоятельницы. Девочка искоса поглядывала на принца, стоявшего рядом с нею, гадая, о чем он сейчас думает. Но на лице Кириона нельзя было прочесть и тени эмоций. Мужчина был таким спокойным, равнодушным и отстраненным, будто находился мыслями далеко отсюда.

– Дитя! – Шаная едва не вскрикнула от неожиданности, когда в руках настоятельницы сам собой запылал факел, жарко плюясь огненными искрами. – Принеси жертву богине. Она будет твоей защитницей в предстоящей замужней жизни. Высшее ее благословение – дети. Только от нее зависит, исполнишь ли ты свое предназначение как мать, или же станешь пустоплетом. На коленях умоляй ее о милости. И, быть может, она услышит твою просьбу.

Шаная испуганно замерла на месте. Она не понимала, чего от нее хочет эта строгая женщина с колючим взглядом светлых глаз. Просить богиню о милости? Но как? Девочке раньше

не приходилось бывать на подобных ритуалах, поэтому она боялась опозориться на глазах у отца, многочисленных придворных, но самое главное – принц Кирион тоже окажется свидетелем ее смешного и глупого проступка.

Настоятельница, решив, видимо, что сказала даже больше, чем необходимо, замолчала, не собираясь приходить на помощь обомлевшей девочке. Лишь недовольно вскинула бровь, показывая, что такая задержка в проведении ритуала недопустима. Собравшиеся молчали, терпеливо ожидая продолжения церемонии. Наступившая тишина была такая полная, что от нее зазвенело в ушах. Шанае казалось, что ее сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Небо! Что же ей надлежит сделать?

– Ей что, ничего не объяснили? – с глухим раздражением спросил Харий у Олафа. Тот в ответ лишь всплеснул руками. У советника сегодня было слишком много забот, чтобы проконтролировать еще и это, а старую Нинель, видимо, подвела память, или же она слишком увлеклась, наряжая Шанаю к предстоящему торжеству. Король гневно сплюнул проклятие и вновь все свое внимание обратил на дочь, подавшись вперед и будто пытаясь таким образом молча подсказать ей, как надлежит поступить. Но спасение подоспело совсем с другой стороны.

– Возьми факел, подожги алтарь и встань около него на колени, – почти не разжимая губ, кинул Кирион совершенно растерявшейся девочке. – Постой так пару минут и возвращайся. Смелее!

– Спасибо, – так же тихо ответила Шаная. Помедлила еще секунду, пытаясь успокоить неуместную дрожь рук, и подошла к настоятельнице. Та с негромким вздохом облегчения вручила ей факел и легонько подтолкнула в сторону алтаря.

Шаная опасливо вытянула факел, стараясь держать его как можно дальше от себя. Девочка понимала, что стоит упасть хотя бы одной искре на платье из невесомой тонкой материи – как она сама заполыхает ярким безжалостным огнем. Шаг, другой. Пламя недовольно шипело, рассыпая вокруг веер раскаленных капель смолы. Главное – не споткнуться на неровных плитах, главное – не упасть на потеху окружающим.

К счастью, ветер в этот момент почти стих, поэтому искры не долетали до девочки. Но Кирион все равно недовольно скривил губы, с нескрываемым волнением наблюдая за ней. И позволил себе немного расслабиться, лишь когда факел полетел на алтарь.

Сначала почудилось, будто богиня отказалась от жертвы. Такое редко, но случалось. Факел упал почти в центре жертвенника, со всех сторон обложенного вязанками хвороста и дров, однако ничего не произошло. Огонь жаднолизнул вершушку сооруженного кострища, задымил и вроде как потух.

Шаная медленно опустилась на колени, вспомнив слова принца. Замерла, уставившись на травинку, выбившуюся между двумя плитами к солнцу. Слезы сами собой обожгли глаза. Неужели богиня отказывает ей в своем благословении? Неужели все зря, и она не найдет счастья в далекой чужой стране?

И вот когда первая слезинка уже готова была упасть с ее ресницы, раздался приглушенный гул нарождающегося огня. Столп ярко-алого пламени взметнулся над головами присутствующих, обдал водопадом яростных искр тонкую коленопреклоненную фигурку перед алтарем. Кирион закусил губу, сдерживая порыв кинуться Шанае на помощь. Она ведь погибнет, сгорит заживо в этом безумии! По двору пробежал согласный шепот ужаса. Даже настоятельница отшатнулась от алтаря, прикрываясь рукой от жара костра.

– Кто готовил этот ритуал? – прорычал Харий, обернувшись к Олафу и сграбастав его за грудки. – Удушью, собственными руками удушью! Чем они облили дрова?

У советника от волнения тряслись губы. Он попытался выдавить хоть слово из перехваченного спазмом ужаса горла, но случайно кинул взгляд за спину короля – и обмяк, с трудом удержавшись на враз ослабевших ногах.

Харий стремительно обернулся, готовый к самому худшему. По двору вновь пролетел неясный гул, но на этот раз удивления и облегчения. Огонь схлынул, выпустив Шанаю из своих крепких смертоносных объятий целой и невредимой.

Девочка встала, еще раз поклонилась мирно догорающему алтарю и вернулась на свое место. Она шла, гордо подняв голову, раздумывая от всеобщего внимания и недолгой ласки пламени, и Кирион невольно залюбовался ею.

«Нозль останется доволен моим выбором, – мелькнуло у него в голове. – Из них получится красивая пара».

Настоятельница отступила в сторону, и ей на смену вышел нестарый еще мужчина с суровым лицом, изрезанным шрамами. В его походке и манере держаться была заметна военная выправка, и Кирион невольно выпрямился, будто готовый к вызову на поединок.

– Во все времена муж был главой семьи, – хриплым сорванным голосом продолжил ритуал верховный настоятель храма Игниуса. – Он должен защищать родной очаг от врагов и неприятелей. Женщина хранит в нем огонь, мужчина – оберегает женщину. Кто готов возложить на свои плечи столь тяжкую и в то же время приятную обязанность? Кто не побоится встать против всего мира, но за свою жену?

– Я отвечу за своего брата, – проговорил Кирион. – Мы кровь от крови и плоть от плоти, поэтому его решение – это мое решение, мой выбор – это его выбор. Я стану защитником для Шанаи, а через уговоренное время мой брат Нозль получит это право.

Настоятель кивнул, удовлетворенный подобным ответом. Протянул зажженный факел Кириону.

Принц не стал снимать перчаток, чтобы исполнить свою роль. В отличие от Шанаи, он прекрасно знал подобного рода торжества, поскольку уже не раз и не два принимал в них участие, правда, в качестве почетного гостя. Кирион с достаточной долей скепсиса и сомнения относился к многочисленным ритуалам. Он считал, что богам в известной мере безразличны все эти пышные праздники и раз и навсегда заученные слова пустых церемоний. Главное то, что ты несешь в своей душе, а яркая красочная мишура обрядов лишь отвлекает от сути происходящего.

Тем не менее Кирион понимал, что традиции надо уважать. Поэтому он послушно принял факел из рук настоятеля, подошел к алтарю Игниуса и в свою очередь поджег его. В этот раз все прошло именно так, как и должно было. Алтарь вспыхнул ровным ярким огнем, едва только факел коснулся его поверхности.

Кирион вернулся к Шане, ободряюще улыбнувшись ей по дороге. Было заметно, что девочка устала. На бледном лице не осталось ни кровинки, только выделялись необычайно яркие синие глаза.

– Муж и жена должны пройти рука об руку всю жизнь. – Вперед выступил совсем дряхлый старец, тяжело опирающийся на сучковатую клюку. Его затянутые бельмами глаза постоянно двигались, будто видя что-то, недоступное обычным людям. – Но даже после смерти они останутся навсегда связанными. Когда боги сплетают две судьбы, они делают это навсегда. И в последующих жизнях дороги супругов сольются в одну. Поэтому, дети мои, следующую жертву вы принесете вместе, как единое целое. И помните, что отныне вы будете связаны крепче, чем мать с еще не рожденным ребенком.

Шаная нахмурилась. Девочка никак не могла взять в толк: почему ритуал проводят так, будто она обручается с Кирионом, а не с его братом? В чем смысл этого торжества? Но она не осмелилась на возражения и вместо этого вслед за Кирионом вышла к старцу. Подражая принцу, протянула вперед руку. Ради этой части ритуала Кириону все же пришлось неохотно стянуть перчатку.

Старец – верховный настоятель храма богини Смерти – вытащил из ножен маленький серебряный стилет. Слепо заводил им по воздуху, будто рисуя невидимые письмена, но уже

через секунду неожиданно точно резанул по ладони сначала Шанаи, а потом и принца. Девочка тонко всхлипнула от боли. Кирион предусмотрительно подхватил ее под локоть, не давая отстраниться. Замер, наблюдая, как края порезов медленно наполняются ярко-красной кровью.

– Смешайте свою кровь и принесите клятву, – потребовал старец.

Кирион легким нажимом пальцев заставил Шанаю поднять руку. Приложил свою ладонь к ее, чувствуя, как их общая кровь медленно стекает по запястью.

– До самой смерти и дольше, – прошептал он, глядя в глаза Шанаи. – Или пока я не отдам тебя брату.

– До самой смерти, – послушно повторила девочка.

– Да будет так! – торжественно провозгласил старец, и последний жертвенник за его спиной взметнулся вихрем багровых искр к быстро темнеющему небу, по которому неслись низкие клубы дождевых облаков.

Кирион опустил руку. С сожалением посмотрел на запачканный кровью рукав рубашки.

– Серебро, – прошептал он. – Магией не заживишь, к сожалению.

– Я не совсем поняла, – осмелилась на вопрос Шаная, пользуясь тем, что во дворе как раз поднялась суматоха. Люди, уставшие от неподвижности и молчания во время ритуала, сейчас торопились поделиться впечатлениями и поздравить короля. – Если я должна выйти замуж за вашего брата, то что означала последняя часть? Почему оказались связаны наши судьбы?

– Ты еще слишком мала для настоящего замужества. – Кирион пожал плечами. – Мы с твоим отцом договорились, что настоящая свадьба будет сыграна лет через пять, не раньше. За это время ты как раз выучишь наш язык и основные обычаи. Проведенный ритуал является лишь гарантией, что отец не сумеет выдать тебя замуж за другого человека. То, что скреплено кровью и клятвами перед богами, невозможно разорвать. А через положенный срок я передам тебя брату перед алтарем, и уже он станет твоим единственным и настоящим супругом.

– Но получается, что сейчас по сути вы являетесь моим супругом, – упрямо возразила девочка. – Фиктивным, но все же.

– Женихом, – поправил ее Кирион. – Свадебный ритуал оканчивается первой брачной ночью. Лишь после нее жених и невеста становятся супругами друг друга.

Шаная залилась краской смущения. Ей казалось кощунственным обсуждать подобные вопросы с посторонним взрослым мужчиной, поэтому она затихла, не решаясь на дальнейшие расспросы. Кирион спрятал понимающую улыбку в уголки губ и отвернулся от девочки, принимая поздравления от подросших придворных короля Хария.

Праздничный ужин, посвященный славному событию, было решено не проводить. Кирион торопился отбыть в Нардок. Он знал, что известие о помолвке с принцессой Шанай наверняка всколыхнет империю, и не желал, чтобы новость опередила его. Да и потом, принц хотел, чтобы Ноэль узнал о предстоящей свадьбе именно из его уст, а не от чужих людей. Что скрывать, два брата стояли друг друга в плане упрямства и нежелания подчиняться кому бы то ни было. Если Ноэля накрутят непрощенные советники и придворные сплетники, то он вполне может закусить удила и наотрез отказаться от предстоящей свадьбы с принцессой. Кирион предчувствовал, что ему предстоит очень непростой разговор с братом, и не желал его откладывать.

Харий не особо расстроился из-за желания гостя как можно быстрее отбыть к себе на родину. Он уже с трудом выносил присутствие рядом наследного принца Нардока. Еще никогда до этих несчастливых переговоров король Дахара не чувствовал себя настолько униженным и оскорбленным. Да, в итоге переговоры закончились благополучно, но вот воспоминания о том, как они проходили, вызывали у короля зубной скрежет и гнев. С ним, правителем целой страны, принц обошелся, как с несмышленным мальчишкой! В буквальном смысле выкрутил руки, заставив согласиться на собственные условия перемирия, поставил на колени и отнял

самое дорогое. Разве такое можно простить или забыть? Поэтому Харий был даже рад, что Кирион не стал продлевать мучительное унижение и избавил его от обязанности носить лицемерную маску радости еще целый вечер, притворно улыбаясь чужаку и постоянно осушая кубки с вином за его здоровье.

Кирион попросил лишь о кратком свидании с принцессой Шанаей наедине. Он мог бы отложить отъезд до ночи, когда девочка сама пришла бы к нему с теньями, но не желал терять и минуты в пустых ожиданиях. Харий недовольно скривился, но не стал возражать, приказав старой Нинели и верному Олафу ни на шаг не отходить от чужака и девочки.

Шаная встретила принца около северной башни. Она уже переделалась, сменив неудобный роскошный наряд на более привычное скромное платье. Нинель разобрала ее сложную прическу, расчесала спутанные волосы и заплела косу. Теперь ничто, кроме тугой повязки на ладони, не напоминало в облике девочки о недавнем ритуале.

Кирион остался в тот же камзоле, лишь перетянул порезанную руку носовым платком. Было еще не поздно, но из-за туч уже стемнело. Синеватые огни ветвистых далеких молний отражались загадочными голубоватыми бликами в глубине кристалла, висящего на шее принца. Кирион то и дело поглаживал его большим пальцем, будто убеждаясь, что он на месте.

Шаная невольно поежилась. Воздух был напоен грядущей грозой. Душное марево беззвонного летнего дня рассеялось под свирепыми порывами ледяного ветра. Она моментально замерзла и не понимала, почему Кирион не выбрал для их разговора более подходящего места, например в одной из гостиных дворца.

Старая Нинель, зябко кутаясь в пушистую вязаную шаль, недовольно поджала тонкие губы. Ей не нравился заморский принц. Сама мысль о том, что уже очень скоро ее воспитанница навсегда переедет в чужую страну, приводила женщину в настоящий ужас и отчаяние. Что ей тогда делать? Король больше не собирается иметь детей от Ханны, у сводных братьев и сестер Шанаи свои няньки и слуги. Значит, Нинель окажется никому не нужной, и все, что ей останется, – горькое одиночество. Она всю жизнь положила на воспитание чужих детей, однако никто из них не вспомнит о ней, не придет навестить, не проследит, чтобы Нинель ни в чем не нуждалась на склоне своих дней.

Олаф тоже хмурился. Он никак не мог разгадать, что задумал Кирион. Почему принц так резко изменил свои планы по поводу Северных островов? Советник готов был поклясться, что тот приехал на переговоры с четкой целью: отнять их у Дахара или же разорвать существующее шаткое перемирие. Мысль о династическом браке наверняка пришла Кириону уже здесь, в стенах дворца. Но почему? Что его толкнуло на это? Красота Шанаи? Вряд ли. Советник не представлял, где принц и маленькая принцесса могли бы случайно встретиться. Нинель клялась сердцем, что не выпускала воспитанницу из комнаты. И в любом случае Олаф не верил, что Кирион пошел бы на такие уступки лишь из-за симпатичного личика Шанаи. Принц явно не относился к людям, которые ставят личные интересы превыше государственных. Это порождало множество сомнений и опасных вопросов по поводу его неожиданного решения. Так *что именно* заставило Кириона так резко изменить свои планы?

Пауза невольно затягивалась. Нинель и Олаф стояли от Шанаи и Кириона на расстоянии в несколько шагов, которое, с одной стороны, позволяло соблюсти необходимые рамки приличия, а с другой – давало возможность воспитательнице и советнику не пропустить ни слова из разговора.

Шаная вздрогнула от очередного порыва ветра, напоенного мельчайшей моросью. Да, еще минута-другая – и хлынет дождь. Сумеречная хмарь сгустилась до предела, низкое небо давило на головы, заставляя невольно пригнуться. Даже огни факелов казались какими-то далекими и ненастоящими, словно нарисованными в безрадостной серой дымке приближающегося ненастья.

– Прости. – Кирион наконец очнулся от своей задумчивости, заметив, как отчаянно его спутница пытается не застучать зубами от колючих укусов холода. – Я не задержу тебя надолго. Просто решил пожелать тебе удачи. Через пять лет я вернусь за тобой. Надеюсь, ты будешь хорошей девочкой и не позволишь своему отцу нарушить данное мне слово. Помни, что ты, и только ты отвечаешь перед богами за произнесенные сегодня клятвы.

Олаф недовольно цыкнул сквозь зубы, уловив в словах принца откровенный сарказм, но от каких-либо замечаний удержался. В чем-то принц, несомненно, прав. Харий сделает все, лишь бы не отдавать дочь имперцам, но вряд ли у него что-нибудь получится в итоге. Боги не терпят, когда от их благословения отказываются. Если король не хочет навлечь гнев небес на голову своей дочери – ему придется смириться. Иначе проклятие будет такой силы, что наверняка захлестнет весь Дахар.

– Я запомню, – негромко проговорила Шаная, слабо улынувшись.

Кирион потянулся, чтобы убрать выбившийся из косы девочки локон, упавший ей на щеку. Провел рукой по ее коже и прошептал, глядя прямо в глаза:

– И никому – слышишь? – никому не рассказывай про свои разговоры с тенями! Такие откровения слишком опасны даже для любимой дочери короля.

– Можете об этом не беспокоиться, – серьезно ответила Шаная, невольно вспомнив перекошенное яростью лицо отца, когда тот обвинял ее во всех грехах разом. Именно тогда детская всепоглощающая вера в то, что он никогда не обидит ее и всегда придет на помощь, дала первую, еще не заметную трещину.

Олаф встревоженно кашлянул, не совсем понимая, как следует поступить в подобной ситуации. Приказать наследному принцу другой страны говорить громче, чтобы его слышали все присутствующие? Немыслимо!

Кирион косо глянул на взволнованного старика, понимающе ухмыльнулся и сделал шаг назад, показывая, что больше не намерен нарушать правила хорошего тона.

– Будь примерной девочкой, – сказал он напоследок. Обернулся к своим людям, стоящим поодаль и держащим под уздцы лошадей.

– Ваше высочество! – рискнул подать голос Олаф. – Идет гроза. Быть может, вы все же переждете ливень под крышей дворца?

– Ну уж нет. – Принц негромко рассмеялся и запрокинул голову к небесам, ловя губами первые крупные капли дождя. – Уходить надо в непогоду. Именно в дождь понимаешь всю прелесть пути домой, когда тебя греет мысль о скором возвращении. Не беспокойтесь, советник. Гроза может смыть мои следы, но она не в силах помешать мне найти дорогу обратно.

Олаф слегка пожал плечами, не совсем понимая смысла странных речей принца. Впрочем, пусть чужак поступает, как знает. Ему-то что до этого?

Кирион кинул последний взгляд на Шаная, развернулся и отправился к своим людям. Длинный черный плащ рвался с его плеч, темные волосы развевались на ветру. Именно таким его запомнила Шаная. Тогда девочка даже не предполагала, что это была их последняя встреча.

* * *

Этим же вечером Олаф тщательно описал Харию подробности краткой встречи принца и принцессы. Король слушал его внимательно, не перебивая. Лишь кисло поморщился, услышав, что Кириону все же удалось шепнуть пару слов Шаная на ухо. После чего он встал, отошел к окну и замер, сцепив за спиной руки и отстраненно наблюдая за неистовством стихии. За крепостной стеной деревья стонали в объятиях грозы, пригибались под жестокими ударами ветра. Нескончаемые потоки воды струились по оконному стеклу, блестя отраженным светом от многочисленных свечей, зажженных в кабинете.

– Я не отдам ему дочь, – наконец твердо сказал Харий, когда Олаф уже отчаялся дожидаться от него какой-нибудь реакции на свой рассказ. – Сделаю все, но найду способ нарушить ритуал. И ты мне в этом поможешь. У нас есть целых пять лет, чтобы обмануть богов.

А через месяц случилось неприятное происшествие с принцем Ольдом, после которого король всерьез задумался о безопасности своей дочери. И тогда же он решил отослать Шанаю прочь из дворца в монастырь Пресветлой богини. По условиям договора с имперцами принцесса должна была выучить язык и обычаи Нардока. Харий здраво рассудил, что подобным поступком достигнет сразу две, нет, три цели. С одной стороны, покажет, что полностью смирился с требованиями Кириона и добросовестно выполняет условия заключенного договора. С другой – развяжет себе руки и начнет подыскивать способы нарушить достигнутое соглашение. А с третьей – наконец-то перестанет бояться, что дочь падет жертвой придворных интриг. Что скрывать, его жена Ханна была в бешенстве, узнав, что именно Шанае, а не одной из ее дочерей выпала честь стать супругой принца могущественной империи.

Отъезд Шанаи был назначен на раннее утро, и девочка не спала всю ночь. Она лежала на кровати и смотрела в потолок, вспоминая и вспоминая вечернюю встречу с отцом. Харий никогда не отличался сентиментальностью. Он тщательно следил за малейшими проявлениями эмоций, не без оснований считая, что напускное равнодушие и безразличие – наилучшее поведение для правителя. Не стоит показывать придворным, кто тебе дорог, потому как тем самым ставишь любимого человека под удар. Поэтому даже со старшей дочерью, так напоминающей ему покойную жену, он всегда был подчеркнуто вежлив и отстранен. Если, конечно, не вспоминать ту досадную вспышку гнева во время визита Кириона.

Дождавшись, когда воспитательница, призванная всюду сопровождать принцессу, покинет кабинет для аудиенций, король подошел к Шанае. Замер напротив нее, скрестив на груди руки и внимательно изучая ребенка. Девочка немедленно смутилась и затеребила поясок простенького платица, гадая, чем вызвала неудовольствие отца. Шаная не забыла того припадка бешенства, когда всерьез испугалась, что отец убьет ее.

– Ты еще не простила меня? – без слов понял причину ее волнения Харий. – Еще помнишь тот мой проступок?

– Отец... – растеряннo начала Шаная, не готовая к такому разговору. Замялась, но уже через миг продолжила, открыто глядя ему прямо в глаза: – Вы знаете, как сильно я вас люблю. Конечно же я простила вас. Простила тысячу раз. Не знаю, чем именно я заслужила тогда вашу немилость, но наверняка у вас были причины меня наказать.

Король недоуменно вскинул бровь. Это казалось невероятным, но в голосе дочери вдруг послышались затаенные ироничные нотки. Словно она говорила то, что он хотел услышать, истинные свои мысли храня в строжайшей тайне. Харий пристально взглянул на нее, пытаясь понять, что скрывается за безмятежной синевой спокойных глаз. Некоторое время молчал, хмурясь все сильнее и сильнее. Нет, вроде бы ничего не указывало на то, что дочь втайне потешается или издевается над ним. Но почему тогда вспомнился этот проклятый Кирион со своим извечным сарказмом в голосе?

– Ты догадываешься, зачем я тебя позвал? – сухо спросил Харий.

– Нет, отец. – Шаная потупила взор, будто самая примерная девочка в мире. – Что-то случилось?

– Пока нет. – Король нервно хрустнул пальцами, опять вспомнив насмешливый взгляд темно-карих, почти черных глаз Кириона. Боги, но откуда у него чувство, будто дочь неосознанно подражает манере поведения имперца? Она ведь видела его всего два раза, и то под строгим присмотром.

Харий несколько раз прошелся по кабинету, пытаясь совладать с разбушевавшимися нервами. Перед глазами все мерцало красноватыми бликами – верный признак надвигающегося приступа безумства. В последнее время вспышки неконтролируемой ярости настигали его все

чаще и чаще. Он уже давно научился предугадывать их наступление. С самого детства король вынужден был бороться с этой неприятной особенностью своего характера. Помогали длительные прогулки по лесу, занятия с мечом до изнеможения или же пара бутылок вина, выпитых в крепко запертом от посторонних кабинете. Королю было неприятно осознавать, но вероятнее всего дурные склонности к истязанию животных Ольд унаследовал именно от него. Правда, самому Харию всегда хватало выдержки и здравого смысла, чтобы не выпускать своего зверя на свободу в присутствии посторонних и не срываться на невинных созданиях. Лишь дважды в своей жизни он оступился и дал слабину. По иронии судьбы – оба раза перед самыми дорогими и любимыми людьми.

Харий понимал, что сейчас злился скорее не на дочь, а на самого себя, на свою неспособность защитить ее не только от имперцев, но даже от собственной жены. Наверняка все его подозрения в том, что в глубине души Шаная смеется над ним, беспочвенны. Слабая попытка убедить себя, что именно девочка виновата в его позоре, является только способом переложить вину на чужие плечи.

Король глубоко вздохнул, неимоверным усилием воли разогнав сгустившийся туман перед глазами. Уставился поверх головы дочери, не позволяя себе взглянуть на нее. Не стоит. Иначе опять увидит то, что в действительности существует лишь в его воображении.

– Как ты помнишь, принц Кирион особенно настаивал на том, чтобы ты изучила язык и обычаи империи Нардок, – проговорил Харий, изо всех сил пытаясь не сорваться на хриплый рык при этих словах. Любое напоминание о том, что дочь ему уже не принадлежит, было невыносимым. Будто по свежей ране пришелся жестокий удар вымоченной в соли плети. – Я считал, что столь важное и ответственное дело негоже откладывать на последний момент. Нардокский язык считается одним из наиболее сложных, поэтому чем раньше ты займешься его изучением, тем больше у тебя шансов приятно удивить будущего супруга.

Харий все-таки не выдержал и издал в конце фразы протяжный стон. Тут же закашлялся, пытаясь скрыть свою оплошность. Шаная дернулась было, чтобы прийти ему на помощь, но в последний момент одумалась, заметив неестественный румянец на щеках отца и лихорадочный блеск его глаз. Плохо, очень плохо. В прошлый раз, когда он кричал на нее, то выглядел точно так же.

– При дворце я не сумею предоставить тебе подобную возможность, – наконец глухо продолжил король, сжав кулаки до побелевших костяшек. – И потом, тут слишком шумно. Тебя будут постоянно отвлекать, а учеба не терпит придворной суеты. Я договорился с настоятельницей храма Пресветлой богини, расположенного у подножия Ралионских гор. Она провела детство и юность в Нардоке, поэтому подходит наилучшим образом для твоего обучения. Настоятельница уже милостиво согласилась оказать мне подобную честь.

– А Нинель? – внезапно спросила Шаная. Почему-то в предстоящем скором отъезде ее более всего страшила именно разлука с воспитательницей. Что скрывать, Нинель часто раздражала девочку своей медлительностью и вечной опаской – как бы чего не вышло. Но она заменила маленькой принцессе мать, находилась рядом все ее двенадцать лет жизни. И Шаная не представляла, как будет справляться без нее в незнакомом месте.

– Нинель отправится с тобой, – с гримасой, более напоминающей оскал боли, ответил Харий. Сердце неприятно резанул тот факт, что дочь в первую очередь поинтересовалась дальнейшей судьбой воспитательницы и даже не задалась вопросом о том, как сам король переживет разлуку.

– Я буду очень скучать по вас, – продолжила Шаная, будто прочитав мысли отца. – Очень, очень. Больше всего на свете я бы хотела остаться с вами, но противиться вашему решению не смею.

Харий немного расслабился. Робкое признание дочери приятно согрело уязвленное самолюбие.

– Если бы ты только знала, как я сам не хочу отпускать тебя, – прошептал он. Закрыв глаза, переживая очередной всплеск непонятной ярости. Махнул рукой, приказывая Шанае удалиться.

– Отец?.. – протянула она, не угадав, что означает этот жест.

– Уходи, Шаная, – взмолился Харий, из последних сил балансируя на краю беспросветной пучины слепого бешенства. – Во имя всех богов – прочь! Оставь меня. Именно сейчас мне надо побыть одному. Я еще приду проститься с тобой. Собирайся. Завтра на рассвете ты уедешь.

Девочка вздохнула и перевернулась на кровати, очнувшись от своих воспоминаний. Она до самой поздней ночи бродила по дворцу, будто прощаясь с ним навсегда. Нинель сперва ругала ее, заставляла начать сборы, кричала, что они ничего не успеют сделать за столь короткое время, но потом успокоилась. Прошептала себе под нос – много ли нарядов девочке понадобится в монастыре? – и сама принялась укладывать вещи в большие переметные сумки.

Принцесса была благодарна старой воспитательнице за заботу. Она хотела отправиться в путь прямо сейчас, вообще налегке, но понимала, что вряд ли это здоровое и разумное решение. Наступил сентябрь. Днем было еще жарко, но вечерами и ночами ощутимо холодало. Воздух казался таким прозрачным и сладким, напоенным тяжелым ароматом прелой листвы и поздних цветов, что им нельзя было надышаться. Сидеть в такую погоду дома Шаная просто не могла. Тем более теперь, когда она знала, что уже завтра на долгие годы покинет родной дом. Надо было обежать холм, на котором стоял дворец, проверить все свои детские тайники, попрощаться с выводком щенят, живущих при конюшне. Шаная скормила им кровяную колбасу, которую стащила на кухне, затем долго играла с забавными пушистыми зверьками. Сердце щемило от непонятной тревоги. Теперь, когда она уедет, никто не защитит их от забав ее жестокого брата. Девочка была уверена, что его ссылка в академию не продлится долго, и королева Ханна вынудит Хария вернуть принца ко двору. Неделя-другая, и принц Ольд обязательно доберется до крохотных беззащитных животных. Наверное, их мать успеет сбежать, поскольку уже бывала не раз бита мальчиком. А возможно – останется, защищая до последнего своих детей. Оскалится на принца – и тотчас же будет забита его охранниками.

Один из щенят был особенно маленьким. Пепельно-серый, короткошерстный, он забавно ковылял на разъезжающих лапах, периодически падая, и как-то жалобно тыкался мокрым холодным носом в ладошку принцессы, слизывая кусочки колбасы, от которой его отогнали более крупные и наглые братья и сестры.

– Что же с тобой делать? – прошептала Шаная. Подхватила щенка на руки, поднесла мордочкой к своему лицу. – Ты же погибнешь. Остальные, наверное, спрячутся от Ольда, а ты?

Щенок возмущенно запищал, пытаясь выбраться из хватки девочки, и вдруг лизнул ее в щеку шершавым языком. Завилял хвостом, хватаясь еще мягкими коготками за пальцы.

– Дымок, – задумчиво проговорила Шаная. – Тебя будут звать Дымок. Иди к маме.

Девочка опустила его на землю и легонько подтолкнула к собаке, которая не обращала на него никакого внимания, подставив живот с набухшими от молока сосками другим своим детям. Дымок сделал шаг, другой, но вдруг развернулся и поковылял обратно к Шанае. Уцепился коготками в подол платья, залившись тонким отчаянным визгом.

– Но я не могу тебя взять с собой, – растерянно пробормотала Шаная. – Дымок, я завтра уезжаю. Мне никто не позволит тащить с собой щенка. Да и где тебя держать всю дорогу? В карете? Иди к маме!

Принцесса нагнулась, пытаясь отцепить упрямого зверька, но Дымок неожиданно зарычал.

– Если бы ты мог становиться невидимым, – тоскливо протянула Шаная. – Если бы тебе не нужны были еда и вода, и видела тебя только я. Но как это сделать?

Щенок, по вполне понятным причинам, ей ничего не ответил. Лишь довольно завилял хвостом, когда девочка вновь подхватила его на руки.

– Ты уверен? – с сомнением спросила Шаная, будто тот мог ее понять. – Но ведь тебе будет больно.

Собака, заподозрив что-то неладное, оглянулась на девочку. Вскочила на лапы, загорая собой остальных щенят. Припала к земле, будто готовая принять смертный бой. Но Шаная не обратила на нее никакого внимания. Она еще раз почесала доверчивого зверька за ухом, а в следующий миг с удивительной силой для детских рук свернула ему шею. Раздался резкий неприятный хруст, щенок дернулся в ее руках, с изумлением распахнул голубые глаза и безжизненно обмяк в ее руках.

Принцесса положила мертвое тельце на дощатый пол. Простерла над ним ладонь, что-то зашептала на странном свистящем языке. В конюшне внезапно похолодало. Свет, падающий через распахнутую дверь, померк, будто на солнце набежала тучка. В углах помещения сгустились тени, лошади испуганно заржали в денниках. Собака рычала, роняя белую пену бешенства и ужаса на землю. Девочка посмотрела на нее, приложила палец к губам и негромко цыкнула. Перевела взгляд на неподвижный трупик. Около него кляксами проступали пятна чернильного мрака. Еще секунда – и они зашевелились сами собой, заструились к ноздрям и глазам щенка, впитываясь без следа. И вдруг он ожил. Дернул хвостом, зашевелил лапами, поднял голову и с некоторой растерянностью огляделся.

– Молодец, – с довольной улыбкой проговорила Шаная. – Теперь ты не обычный Дымок. Ты только мой Дымок. Незримый, бестелесный. Понятно?

Щенок что-то запищал и вскочил на ноги, не в пример более уверенно двигаясь.

Девочка взяла его за шкурку и посадила себе на плечо. Хотела было потрепать на прощание собаку, но та заходила от тревожного лая, подняв дыбом шерсть на загривке и яростно нахлестывая себя хвостом, поэтому Шаная передумала. Отвернулась и вышла из конюшни. Сегодня ей еще надо было успеть многое сделать.

На следующее утро Нинель подняла девочку, когда восточный край небес еще не думал розоветь. Во дворце плескался предрассветный сумрак, свечи яростно трещали, пытаясь разогнать тьму. Шаная отчаянно зевала, растирая плечи руками. Было холодно и как-то особенно тоскливо. Дымок всю ночь провел у нее в комнате, забавляясь охотой за лунным светом. Его никто не видел – ни Нинель, ни советник Олаф, ни многочисленные слуги, помогающие вынести вещи во двор. Только изредка, когда расшалившийся щенок нападал на ноги проходивших мимо людей, они вздрагивали, ощутив какое-то неясное волнение и непонятный страх, и ускоряли шаг.

– Не шали, – чуть слышно шепнула Шаная, расчесывая себе волосы и следя в отражении зеркала, как Дымок вальяжно разлегся на самом проходе. Его никто не замечал, однако Нинель уже с минуту никак не могла переступить странную складку на ковре. Она то поднимала ногу, но тут же вновь ее опускала, растирая морщинистой рукой грудь и не в силах понять, почему сердце так заходится.

Дымок беззвучно тявкнул, скользнул тенью к своей хозяйке и зарылся мордой в подол ее платья. Шаная улыбнулась, подхватила его на руки и посадила на плечо. Утомился, бедный. Пусть спит. Все равно он теперь никуда от нее не денется.

Воспитательница облегченно вздохнула и поспешила дальше по своим делам, так и не поняв, что это было за наваждение.

Наконец все было готово к отбытию. Шаная, румяная от ледяного умывания, стояла во внутреннем дворике, кутаясь в теплую кофту поверх шерстяного платья с длинными рукавами. Днем ей наверняка будет жарко, но сейчас от каменных плит шел влажный ночной холод.

Шаная постоянно вертела головой по сторонам, надеясь увидеть отца. Но Харий так и не вышел ее провожать. Королю было стыдно признаться даже себе, но он боялся опять не сдержаться, поэтому предпочел наблюдать за сборами из окна. Правитель Дахара видел, как дочь растерянно оглядывается, понимал, что надо бы спуститься и обнять ее на прощание, но

не мог. Просто не мог. При мысли, что через несколько минут девочка сядет в карету и он простится с ней на долгие годы, накатывало привычное бешенство. Нет, нельзя показываться девочке в таком состоянии. Иначе она запомнит его не как заботливого и любящего отца, а как дикого зверя, не способного контролировать свои эмоции и срывающего дурное настроение на любом, кто попадется под руку.

Отъезд по непонятным причинам задерживался. Было уже все готово, но кучер медлил, видимо, ожидая появления короля. Лошади нетерпеливо прядали ушами, перебирали ногами, сопровождающие охранники уже сидели верхом, осторожно поглядывая то на южные ворота, давным-давно открытые для них, то на окна дворца.

– Езжайте, – шепотом взмолился Харий. – Немедленно, сейчас же!

– Ваше величество? – В распахнутую дверь заглянул Олаф. – Все ждут только вас...

– Прочь! – раненым вопрем взревел король. – Скажи им, пусть едут! Чтобы через минуту их здесь уже не было!

Советник осекся. Ему хватило одного взгляда на перекошенное от ненависти и ярости лицо короля, после чего он стремглав кинулся вон, грохоча сапогами по коридору и лестнице.

Харий прижался лбом к стеклу. Зажмурился, из последних сил удерживаясь на этой грани реальности. Он слышал, как Олаф закричал что-то во дворе, как захлопали двери карет, как заржали лошади, наконец-то получив свободу. Заскрипели повозки, двигаясь с места, звонко застучали подковы по плитам. Когда король открыл глаза, внизу уже никого не было.

Часть вторая

Монастырь

Путешествие протекало на удивление легко и без особых проблем. Стояла солнечная ясная погода середины сентября. Осенние многодневные выматывающие дожди должны были начаться позже, поэтому Залин, которому поручили организацию путешествия принцессы и ее охрану, особенно не торопился. Он позволял долгие остановки, полагая, что девочка может утомиться от неподвижного сидения в карете, выбирал самые надежные и уютные постоялые дворы для ночевки. Опытный и осторожный воин никогда раньше не имел дела с принцессами, тем более с такими маленькими, поэтому изначально ожидал многочисленных капризов и жалоб, но Шаная его приятно удивила. Девочка почти постоянно молчала, безропотно ела обычную пищу, не требуя никаких деликатесов, не устраивала истерик по поводу продолжительных переездов.

Однажды им пришлось заночевать под открытым небом. Залин заранее испугался, что уж тут-то принцесса устроит настоящий скандал, узнав, что спать ей придется или в карете на неудобной лавке, или на земле, пусть и подстелив одеяла. Но девочка восприняла новость чуть ли не с радостью. Вечером она допоздна сидела около костра, наблюдая, как охранники пекут картошку и жарят кровяные колбаски. Затем, поужинав, незаметно перебралась на полянку, где Залин обучал молодого воина искусству обращения с мечом. Нинель сразу после вечерней трапезы ушла спать, пожаловавшись, что стала слишком дряхлой для столь утомительных путешествий и ее старые кости уже не выдерживают постоянной тряски, а, кроме нее, некому было напомнить Шанае о позднем часе и отправить ее отдыхать. Впрочем, девочка никому и не мешала. Она заворуженно следила за тренировочным боем. В неверных всполохах костра казалось, будто два воина танцуют. Острые безжалостные клинки полосовали мрак на тонкие лоскутки, тишину ночного леса нарушали лишь потрескивание горящих дров, тяжелое дыхание сражающихся да негромкие голоса остальных охранников, травящих байки около огня.

Наконец Залин с силой закрутил меч новичка и выбил его из рук. Приставил острие к груди недавнего соперника, лишь наметив смертельный удар, и тут же опустил оружие.

– Неплохо, – проговорил он, свободной рукой утирая пот со лба. – Ты делаешь определенные успехи, Далалий. Чуть меньше необдуманности, чуть больше вдохновения – и через полгода ты без проблем справишься даже со мной.

– Скажешь тоже. – Высокий светловолосый парень рассмеялся, ни капли не огорчившись поражению. Нагнулся, поднимая клинок. – Ты лучший фехтовальщик Дахара. Если я когда-нибудь и превзойду тебя, то лишь в своих мечтах.

– Всякое в жизни бывает, – уклончиво проговорил Залин, но было видно, что неприкрытая лесть товарища ему понравилась. Затем обернулся к девочке, которая за все время поединка не проронила ни звука, лукаво подмигнул ей. – Что, ваше высочество? Вам понравилось наше представление?

– Очень, – честно призналась Шаная. Несмело шагнула вперед, кивком показав на меч в руках воина. – Можно подержать?

Залин и Далалий быстро переглянулись и заулыбались. Это было забавно: принцесса проявила интерес к оружию. Обычно считалось, что девочкам присуще лишь играть с куклами да вздыхать, мечтая о счастливом замужестве. Но в принципе зачем огорчать ее отказом? Нинель спит, а кроме нее никому нет никакого дела, чем там занимается принцесса. Лишь бы в лес не убежала да в целостности и сохранности до монастыря доехала.

– Держите, ваше высочество, только не пораньтесь. – Далалий, стоящий ближе к Шанае, протянул ей клинок рукоятью вперед. Девочка охнула от неожиданной тяжести меча, едва не

уронив его. Далалий покачнулся было к ней, намереваясь перехватить оружие, чтобы оно не попало по ногам Шанаи, но та уже справилась с неловкостью и крепче сжала рукоять. Дымок серой размытой тенью скользнул по лезвию, игриво балансируя хвостом. Мужчины не могли видеть призрачного зверя, однако согласно перестали улыбаться. На какой-то краткий, но жуткий миг показалось, будто из глаз девочки на них взглянул кто-то иной, лишь для собственной забавы нацепивший невинную детскую маску. Кто-то, для кого человеческая жизнь не стоит и ломаного гроша, кто убивает лишь для собственного развлечения. Но стоило Шанае моргнуть, как наваждение схлынуло, будто его и не было никогда. Перед ними вновь стояла обычная девочка, с искренним восторгом сжимающая в своих слабых руках меч.

– Красивый, – протянула Шаная, поднимая клинок к глазам. Глянула вдоль лезвия, будто проверяя заточку.

В любой другой раз Залин наверняка рассмеялся бы от подобного зрелища. Ну что принцесса может понимать в подобных вещах? Наверняка бессознательно копирует то, чему когда-то стала невольным свидетелем. Но уж очень уверенным и холодным был взгляд Шанаи. Словно она действительно знала, что и зачем делает.

– Красивый? – переспросил Далалий с известной долей иронии. Он стоял рядом с принцессой, поэтому ее острый и внимательный взгляд истинного фехтовальщика остался им незамеченным. – Что вы, принцесса! Что же в нем красивого? Одно благо – сбалансирован хорошо и сталь что надо. А так... Никакого, даже самого заваливающего камушка в рукоять не вставлено. Я, конечно, не прощу алмазов, но от изумруда не отказался бы.

– Алмазы? Изумруды? – Залин готов был поклясться, что видел, как на секунду хорошенькое личико принцессы исказила злобная презрительная усмешка. – Эти побрякушки лишь портят оружие. Красота меча измеряется отнюдь не в украшениях, а в количестве жизней, которые он выпил. Ведь им уже убивали, не так ли?

Далалий поперхнулся от вопроса, столь неуместного из уст ребенка. Растерянно посмотрел на Залина, не зная, что ответить.

– Ваше высочество, – поспешил тот к нему на помощь. – Право слово, вам не к чему знать об этом.

– Вы стесняетесь своего ремесла? – перебила его Шаная. Взглянула на него поверх лезвия, и мужчина вздрогнул, неосознанно потянувшись к мечу. Было такое чувство, будто только что его наотмашь ударили. Девочка улыбнулась, заметив его порывистое движение, и продолжила уже мягче: – Залин, ты воин. Ты должен защищать господина. Что в этом постыдного? И потом, смерть – это не конец, это только начало. Кто знает, вдруг ты оказываешь своим противникам неопценимую услугу, отправляя их в объятия богини.

– Ваше высочество... – Далалий очнулся от мгновенного ступора и с вежливым полупоклоном протянул руку за своим клинком. – Я надеюсь, вы уже наигрались?

Шаная резко взмахнула мечом, заставив его отшатнуться. С явным сожалением провела тонкими пальчиками по безупречной заточке лезвия, не обращая внимания, что ранит себя. Несколько крупных капель крови упали на траву. Мужчины не заметили, но Дымок уже кружился около маленькой хозяйки, ловя острым шершавым язычком неожиданную подачку.

– Без сомнения, им убивали, – наконец довольно проговорила Шаная. Протянула оружие Далалию, и тот с нескрываемым облегчением вогнал клинок в ножны от греха подальше. Девочка проследила за его действием, даже не пытаясь скрыть насмешку в глазах, и заключила с широкой улыбкой: – Им убивали трижды. И еще один раз речь шла о жизни или смерти, но противник выжил.

После чего развернулась, присвистнула кому-то невидимому и неторопливо отправилась к костру.

Залин перевел дыхание. Только сейчас он понял, какая непонятная тяжесть только что свалилась с его груди. Пожалуй, впервые за очень долгое время опытный воин, прошедший

через многие сражения, испытал страх – необъяснимый и оттого еще более томительный. И сейчас он был действительно рад, что испытание закончилось.

– Дети... – начал было он, обернувшись к Далалию и собираясь посмеяться над недавним происшествием. Обернулся – и тут же осекся. Молодой воин смотрел вслед ушедшей девочке с таким потрясением, будто увидел перед собой истинного слугу Галаша.

– Как?... – изумленно прошептал он, истово скрестив пальцы, чтобы отвести зло. – Как она узнала?

Залин сплюнул проклятие на землю. Покачал головой. Пожалуй, со следующего дня придется отказаться от длительных остановок и тем более от ночевки под открытым небом. Чем быстрее они достигнут монастыря и передадут принцессу под опеку святых сестер, тем лучше для всех. По крайней мере, у него нет ни малейшего желания еще хоть раз пережить подобный разговор. Девчонке сильно повезет, если ее не сожгут на костре в ближайшее время.

* * *

Шаная с любопытством высунула голову из кареты. Долгое, утомительное путешествие наконец-то подходило к концу. Последнюю неделю, после недолгой беседы в ночном лесу, Залин гнал лошадей изо всех сил, не обращая внимания на жалобы и стоны старой Нинель. Даже его товарищи начали роптать, не понимая причин такой спешки и жестокости.

Одна Шаная получала истинное удовольствие от отчаянной скачки по дурным дорогам. Карета скрипела и подпрыгивала на ухабах, ежесекундно грозя развалиться. Нинель охала и поминала всех богов, держась побелевшими от напряжения руками за край лавочки. А девочка с трудом сдерживала залиvistый смех. Она с интересом глазела по сторонам, наблюдая за осенней страдой – в общем, просто наслаждалась жизнью.

На горизонте вставали горы. Скалистые вершины, затянутые туманами и покрытые ледниками, величаво подпирали синие небеса. Шаная запрокинула голову, пытаясь оценить высоту своих новых владений. Именно там, у подножия Ралионского хребта, ей было суждено провести следующие пять лет. И уже сейчас она замирала от нетерпения, гадая, строгой или не очень окажется настоятельница монастыря, будет ли позволено Шаная гулять по окрестностям, не заметят ли Дымка, который за время путешествия ощутимо вырос.

– Шаная, сядь, – простонала Нинель, по обыкновению жестоко страдая от качки. – Ветка какая в лоб попадет – узнаешь!

– Мы скоро приедем, – прошептала девочка, не обратив никакого внимания на ворчание преданной воспитательницы. – Скоро, очень скоро.

– Быстрее бы. – Нинель с приглушенным кряхтением подложила подушку под спину. – Ой-ой-ой, все кости разламываются. Стара я уже стала для подобных развлечений.

Шаная пропустила мимо ушей привычную жалобу воспитательницы, вопреки ее просьбе высунулась из окна еще дальше, пытаясь отыскать взглядом монастырь, к которому они держали путь. Но все было зря. Пыльная от долгой засухи дорога светлой лентой петляла по холмам, забираясь все выше и выше, пока окончательно не терялась где-то вдалеке. Только вид таких близких и в то же время далеких гор вселял уверенность, что конечная цель их путешествия уже совсем рядом.

Однако ожидания не оправдались. Карета въехала на узкий тракт, ведущий к монастырю, лишь поздним вечером, когда Шаная уже украдкой зевала, мечтая о сне. Залин, почувствовав окончание тяжелой обязанности, сегодня не делал никаких поблажек своим людям. Даже обедать пришлось на ходу. Впрочем, вряд ли кусок вяленого мяса на черством хлебе, наскоро запитый из фляги водой, можно назвать полноценной трапезой. Поэтому к усталости добавилось еще чувство голода. Нинель уже не жаловалась. Она прикорнула в углу кареты, что-то

негромко бурча себе под нос на каждом ухабе. Даже верный Дымок устал. Он свернулся калачиком на коленях маленькой хозяйки, растекшись полупрозрачным туманом по ее платью.

– Потерпи еще немного, – уговаривала его Шаная, щекоча под ухом. – Приедем – отпущу гулять. Набегаешься вволю. Только не пугай никого.

Дымок на миг открыл один ядовито-желтый глаз, недовольно твякнул и вновь задремал.

– Стой! – вдруг раздалось снаружи. Карета отчаянно закричала, дернулась, будто раненое животное, и замерла. Послышались радостные восклицания встречающих, усталое ржание лошадей, сухой, как щелчки кнута, голос Залина, отдающего приказы своим людям.

– Неужели наконец-то приехали? – пробурчала Нинель, потягиваясь. – Быть того не может!

Дверь внезапно распахнулась, и в карету заглянул сам Залин.

– Счастлив сообщить вам, что мы достигли монастыря Пресветлой богини, – проговорил он, избегая встречаться глазами с Шанай. После того происшествия в лесу он почему-то побаивался девочку, хотя никогда не признался бы в этом даже себе. – Наша дорога окончена!

– Не верю своим ушам. – Нинель подала руку, и Залин с любезным поклоном помог ей выбраться из кареты. Воспитательница замерла, ослепленная множеством факелов, с болезненным стоном посторонилась, давая Шанай вылезти.

По правилам этикета Залин обязан был помочь и принцессе, но мужчина практически сразу отошел от кареты, с преувеличенным рвением принявшись распекать какого-то мальчишку, недостаточно резво, по его мнению, разгружающего поклажу.

Нинель этого не заметила, но вот Шаная грустно улыбнулась. Прав был Кирион. Не следует показывать людям свои необычные способности, иначе даже самые преданные из них могут от тебя отвернуться.

– Ваше высочество? – Шаная обернулась на звук приятного сочного голоса. От дверей монастыря к ним уже спешила женщина – невысокая, полненькая, в ослепительно-белой рясе.

– Ваше высочество, – повторила она, подходя ближе. Остановилась, тяжело дыша от быстрого шага, и вдруг улыбнулась. Множество морщинок пробежали по ее доброму лицу, собрались около ласковых карих глаз. И Шаная улыбнулась в ответ, сама не понимая почему.

– Мы очень, очень рады видеть вас здесь. – Женщина почтительно склонила голову. – Король Харий оказал нам небывалую честь, позволив продолжить обучение своей дочери именно у нас. Позвольте представиться: матушка Серафия, настоятельница этого монастыря.

– Очень приятно. – Шаная в свою очередь присела в реверансе. – Меня зовут Шаная. А это моя воспитательница Нинель.

– Прошу прощения, матушка, – несчастная Нинель болезненно скривилась, продолжая одной рукой цепко держаться за дверцу кареты, – к моему величайшему сожалению, я сейчас несколько не в форме, поэтому не могу представиться по всем правилам этикета. Эта дорога окончательно меня убила.

– Ох, простите меня. – Настоятельница всплеснула руками. – Я должна была сразу подумать об этом. Пойдемте, любезная Нинель. Я покажу ваши покои. Мы нагрели воды в достатке, поэтому примите горячую ванну с целебными травами. У нас есть чудодейственные мази. Послушница натрет ваши суставы – и вы вновь почувствуете себя молодой.

– Верится с трудом. – Нинель измученно улыбнулась, убирая с лица растрепанные седые пряди. – Больше всего на свете я хочу лечь и умереть.

– Ну что вы, – мелодично рассмеялась Серафия. – Мы этого не допустим. Идемте, милая Нинель, идемте.

Настоятельница ловко подхватила воспитательницу под локоть, позволив той на себя опереться. Шаная встала по другую руку, пристально следя, чтобы ничего не случилось. И маленькая процессия медленно двинулась со двора.

Залин проводил их задумчивым взглядом. Он был по-настоящему рад, что отныне ему не надо заботиться о принцессе. Больше всего на свете ему хотелось тотчас же уехать, чтобы никогда с ней не встречаться. И опытный воин сам не мог понять, чем его так напугала эта девочка со столь невинным взором синих глаз.

На следующее утро Шаная проснулась лишь к полудню. Накануне она и Нинель долго устраивались на новом месте. Воспитательница в самом деле почувствовала себя намного лучше после купания и сеанса массажа, который провела совсем еще юная девушка, наверное, всего на два-три года старше самой принцессы. Молчаливая, строгая послушница долго втирала в спину и ноги Нинель лечебную мазь с горьким и резким запахом полыни, потом постелила им свежие простыни, взбила подушки и удалилась, за все время не проронив ни слова. Сама Шаная тоже с удовольствием искупалась, смыв с себя пот и грязь двухнедельного путешествия. Затем забралась под теплое пушистое одеяло и замерла с открытыми глазами. В голове все еще шумело после дороги. Казалось, будто кровать подпрыгивает на невидимых ухабах, как карета. И еще одно тревожило девочку: Дымок. Он скрылся в ночи, едва только понял, что они прибыли к конечному пункту назначения. Растворился среди теней, наострив уши, словно перед охотой. Шаная сначала не обратила на это внимания – пусть побеждает после утомительного сидения в карете, но потом заволновалась. Она чувствовала охотничий азарт своего зверя, понимала, что он сейчас занимается явно недозволенным делом, но пока не желала прекращать его забавы. Пусть развлекается. Вряд ли он сможет причинить кому-нибудь серьезный вред. Мир теней тем и хорош, что почти не соприкасается с миром живых.

Тем не менее девочка почему-то ощущала неясное волнение. Будто потолок и стены давили ей на голову, мешая вздохнуть полной грудью. Неужели это результат присутствия на святой земле? В таком случае ей придется весьма нелегко в следующие несколько лет.

Шаная перевернулась на другой бок и залюбовалась лунной дорожкой, падающей на пол из зарешеченного окна. Впрочем, она привыкнет. Как обычно. Благословение сумеречного мира дало ей очень важное преимущество: умение приспосабливаться к любым условиям. Есть мрак, есть свет, а значит, всегда будут полутона.

Девочка сама не заметила, как задремала. А когда проснулась, уже царил яркий солнечный день. Дымок мирно отсыпался после ночных подвигов у нее в ногах, свернувшись уютным клубком. Шаная нагнулась к нему, втянула в себя запах и недовольно качнула головой. От пса пахло кровью и смертью. Кому-то этой ночью не повезло. Впрочем, ничего страшного. Наверняка это была какая-нибудь мышь или птичка.

– Никогда так больше не делай. – Шаная подхватила любимца за шкурку, поднесла его к лицу. – Слышишь? Ни-ког-да!

Дымок ответил ей невинным взором ярко-желтых глаз. Мол, о чем ты, хозяйка? Я ничего и не делал.

Но эта игра не могла обмануть девочку. Она ощущала сладковатый аромат страха и смертельного отчаяния, струящийся по усам щенка.

– Я не шучу. – Шаная легонько стукнула его по носу. – Не зли меня, Дымок. Иначе рискуешь навсегда заблудиться в сумеречных землях.

Пес неожиданно лизнул хозяйку в щеку, будто извиняясь за свой проступок. Шаная негромко хихикнула и положила его обратно.

– Я предупредила – ты услышал, – напоследок пригрозила она. – Второй раз повторять не стану, понятно?

Дымок завилял хвостом, преданно глядя на нее снизу вверх. Девочка покачала головой. Точно ведь продолжит проказничать. Впрочем, ладно. Если шалости зайдут слишком далеко, она всегда сумеет его остановить.

– Что ты там бормочешь? – сонно спросила Нинель, потягиваясь и зевая.

– День сегодня хороший, – громко произнесла Шаная, откидывая одеяло и вскакивая. – Не правда ли?

– Наверное, – с сомнением согласилась Нинель. Опустила ноги на пол и встала, с недоверчивым выражением лица прислушиваясь к внутренним ощущениям. Видимо, мази настоятельницы Серафии на самом деле творили чудеса, потому как женщина вдруг расплылась в широкой улыбке, почувствовав, что руки и ноги без проблем слушаются ее. Даже стреляющая боль в пояснице куда-то пропала.

– Красота! – с нескрываемым удивлением и радостью воскликнула она, одергивая длинную ночную рубашу. – Пожалуй, ради этого стоило претерпеть столько лишений. Я действительно чувствую себя молодой!

– Я рада, – лаконично ответила Шаная.

– А еще я очень голодна. – Нинель подошла к креслу, на спинке которого была развешана ее одежда, привычно переступив через Дымка, который перебрался с кровати на пол и сейчас охотился за солнечным зайчиком. – Одевайся, милая. Пришла пора осмотреть нашу новую обитель.

Шаная не заставила себя долго ждать. Она быстро натянула на себя первое попавшееся платье, выудив его из недр ближайшей сумки, сама заплела косу и принялась приплясывать около двери, ожидая, пока неторопливая Нинель закончит наряжаться.

– Ну вот, – наконец довольно проговорила воспитательница, убирая седые волосы в привычный тугой пучок. – Пойдем, дорогая.

Узкие темные коридоры монастыря в предполуденный час были непривычно пусты. Уже потом Шаная узнала строгий распорядок дня этого места. Подъем на рассвете, обязательная молитва, скудный завтрак – и хлопоты по хозяйству. Основная часть послушниц трудилась на огороде, убирая урожай, другие вышивали бесчисленные гобелены или же помогали в храмине. Лишь принцессе с ее воспитательницей сегодня была дана небольшая поблажка из-за только что завершившейся утомительной поездки.

Настоятельницу они нашли в ее кабинете, куда им указала путь случайно встреченная девочка, вытирающая пыль с разноцветных витражей.

– Рада вас приветствовать! – Серафия, одетая в этот раз в более практичное черное платье, порывисто встала со своего места, неловким движением разметаив бумаги с письменного стола по полу. Всплеснула руками от искреннего огорчения: – Ох, какая я неуклюжая!

– Я уберу, – поспешила прийти к ней на помощь Шаная. Склонилась, подбирая разлетевшиеся по всей комнате пергаменты и записи, украдкой шикнув на Дымка, который, воспользовавшись случаем, принялся играть с ней, охотясь за пальцами.

– Спасибо, моя дорогая, – растроганно пробормотала Серафия, наблюдая за ней. – Ты меня очень выручила.

Шаная удивленно подняла голову. Она уже привыкла, что остальные всегда уважительно называли ее на «вы», несмотря на малый возраст. Только отец и Кирион относились к ней по-другому, но они были ей в некотором смысле ровней, даже больше – превосходили ее. И еще Нинель были позволены определенные поблажки, но лишь из-за доброго отношения к ней принцессы. Тогда почему настоятельница так разговаривает с нею? Или это обычная оговорка?

– Ты чем-то недовольна? – спросила Серафия, почувствовав затаенное раздражение девочки.

– Вообще-то да. – Шаная встала и с некоторым вызовом выпрямилась напротив нее. – Я предполагала, что вы должны относиться ко мне соответствующе моему положению.

– О чем ты? – Серафия сделала вид, будто не уловила откровенного намека девочки. – Милая моя, право слово, ты выражаешься слишком сложно для своего возраста. Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Я привыкла к другому обращению, – откровенно произнесла Шаная после краткой заминки. – Не забывайте, что я дочь короля.

В комнате после заявления девочки возникла неловкая пауза. Нинель покраснела от возмущения, явно не ожидая подобной дерзости от своей воспитанницы, но молчала, не без оснований опасаясь, что Шаная не пощадит и ее. Серафия в свою очередь с нескрываемым интересом смотрела на принцессу, будто увидев в ней что-то, ранее ей недоступное.

– Девочка моя, – наконец ласково протянула настоятельница. – Ты, конечно, принцесса. Но не забывай, что в ближайшие пять лет, если не больше, ты находишься в моей полной власти. Я старше тебя, поэтому не жди от меня иного. Понятно?

Шаная уже жалела, что начала этот разговор. За свою недолгую жизнь она привыкла, что характер необходимо скрывать. Пусть люди лучше думают, что ты милая спокойная девочка, чем видят в тебе врага. В принципе какая разница, кто тебя и как называет? Лишь бы не оскорбляли в лицо.

– Простите меня. – Шаная присела в реверансе, пряча за пушистыми ресницами всполох недовольства. – Без сомнения, я ошибалась. Вы старше и имеете право приказывать. Просто... Я не привыкла к такому.

Серафия растерянно кашлянула. Она не ожидала, что принцесса так легко отступится. Напротив, думала, что с ней придется изрядно повозиться, показывая, что жизнь во дворце осталась далеко в прошлом и теперь она должна полностью подчиняться ее требованиям.

– Ну что ты, дитя. – Серафия подошла к ней, обняла за плечи и помогла встать. – Я нисколько не сержусь на тебя. Просто имей в виду: теперь ты моя воспитанница. Я отвечаю за тебя жизнью, поэтому имею право и требовать соответственно.

Шаная промолчала, лишь опустила голову, скрывая кривую ухмылку. Ну да, конечно, настоятельница может воображать себе все что угодно. Однако никто не имеет права приказывать ей. Только время покажет, кто победит в этом необъявленном противостоянии.

– Серафия, – вмешалась Нинель, не поняв сути разгоревшегося, как ей казалось, на пустом месте конфликта, – если честно, мы всего лишь хотели бы позавтракать. А потом уже можно обсудить дальнейшую судьбу Шанаи и ее будущее обучение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.